

Создать яркий образ советского рабочего

Жизнь рабочих, их трудовые подвиги в борьбе за построение коммунизма, духовный рост человека производственного труда — все это давно стало одной из главных тем советской литературы. Задолго до октябрьского выстрела «Авроры» великий основоположник социалистического реализма А. М. Горький с любовью и горячим сочувствием создавал обаятельные образы рабочих — Нила, Павла Власова. Отображать правдиво и художественно яркую жизнь человека-труженика, воспитывать в нем новые духовные качества — такую высокую задачу завещал А. М. Горький всем советским литераторам.

Следуя горьковским заветам, советские писатели создали много замечательных произведений, в которых достойное место заняли образы рабочих, творцов новой жизни. Любовь и память читателей завоевали «Цемент» Ф. Гладкова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Танкер «Дербент» Ю. Брылова, «Ненюкоренные» и «Добасс» В. Горбатова, «Далеко от Москвы» В. Ажеева. И однако сейчас, когда все советские, в том числе украинские, литераторы готовятся ко Второму всесоюзному съезду писателей, все очевиднее становится недостаток в отображении этой важной темы украинскими писателями. Более ясными становятся и неполадки в руководстве правления Союза писателей Украины в литературном процессе в республике.

За годы советской власти Украина, в составе великого Советского Союза, стала могучей индустриально-колхозной державой. Многочисленные заводы, шахты, машино-тракторные станции, энергетические предприятия, созданные неутомимыми руками рабочих, преобразили республику. Между тем героический труд, буд, духовная жизнь рабочего класса украинские писатели отразили, особенно в послевоенный период, далеко не достаточно.

Возьмем, к примеру, тему Добасса в литературе. Народ с гордостью называет Добасс всевозможной кочегаркой, краем угля и металла. Здесь трудятся многочисленные армия шахтеров, металлургов, машиностроителей, химиков, рабочих других увлекательных профессий. В забоях донецких шахт, у доменных и мартеновских печей, на лесах новостроек выросли сотни и тысячи замечательных мастеров, чьи имена известны в нашей стране и за ее пределами. Но много ли написано книг о Добассе, о его славных тружениках? Мало. Писатели Украины и прежде всего видные писатели, руководители Союза писателей нашей республики уделяли мало внимания этой важной теме.

Правление Союза советских писателей Украины однажды сделало попытку привлечь внимание писателей к Добассу. С этой целью в городе Сталино в декабре 1950 года был проведен пленум правления ССПУ. В нем участвовали свыше ста прозаиков и поэтов. Выступая перед рабочими, они говорили о своем желании написать о тружениках Добасса романы, пьесы, поэмы. С тех пор прошло почти четыре года...

Правление Союза писателей и сами писатели, очевидно, забыли о своих заверениях. Верно назвал недавно писатель Ю. Черный-Диденко этот пленум «пленумом невыполненных обещаний». Только один литератор — В. Собоко приехал в Добассе на машиностроительный Ново-Краматорский завод имени Сталина и написал роман «Белое пламя». Кстати сказать, роман далеко не полно отражает многообразие, сложность характеров рабочих, недостаточно глубоко раскрывает большой смысл и подлинную трудность их борьбы. Роман, к сожалению, не обладает тем художественным совершенством, какого заслуживает избранная автором тема.

Донецкий бассейн часто и до революции привлекал к себе пристальное внимание передовых русских писателей. Сюда приезжали, здесь жили, изучали условия труда и быта рабочего класса, создавали свои произведения о нем А. Куриин, В. Вересаев, С. Сергеев-Ценский, А. Серафимович. В недавние годы сюда с большой охотой приезжал Б. Горбатов. Добассом навеены образы и краски его превосходного романа о советском рабочем классе. Странно, что пример и удача автора «Добасса», добрые традиции других русских литераторов не воодушевили писателей Украины. Тема рабочего класса, на мой взгляд, непременно должна заинтересовать таких опытных мастеров слова, как А. Корнейчук, М. Бажан, О. Гончар, А. Малышко, П. Панч, Д. Дмитренко, Н. Рыбак и другие.

Руководители ССП Украины, возможно, считают, что создание произведений о рабочих Добасса — дело донецких писателей. Но это не так. Вспомните, как в годы революции писатели Украины и Втором всесоюзном съезде советских писателей.

Р. КИГИНСКОЕ, секретарь Сталинского обкома КП Украины

лей. Но много ли сделал в этом отношении наш, так сказать, «донецкий» отряд украинской советской литературы?

Конечно, есть и удачные книги, как роман «Сталь» В. Попова, посвященные сборники стихотворений старейшего донецкого поэта П. Беспощадова, цикл колоритных стихов — «Краснодонская тетрадь» М. Упеника. Совсем недавно в Сталино вышел роман «Третий восточный» Ф. Вольного. Можно назвать отдельные удачные стихи В. Соколова, М. Фролова и басни П. Шадура. Издано 22 книги альманаха «Литературный Добасс», ряд повестей, рассказов и очерков о сегодняшнем Добассе. Но всего этого недостаточно даже в количественном отношении. А если взглянуть на художественные достоинства иных произведений донецких писателей, то выводы будут еще менее утешительны.

Издательства и редакция журналов печатают произведения о Добассе с большой готовностью, но при этом часто пренебрегают даже элементарными требованиями, какие полагаются предъявлять к любому литературному произведению. Так, издательство Союза писателей Украины «Радяньский письменник», предельно шибким тем, что повесть «Не задерживайся в пути», написанная журналистом И. Никудиным, посвящая шахтерам, незамедлительно выпустила эту слабую повесть в свет. В прошлом году тот же автор написал еще одну повесть — «У нас в Добассе». Читатель напрасно стал бы искать и в этой повести И. Никудина живые человеческие характеры, яркие приметы времени, интересные, напряженные действия. Это просто диалогические картины шахтерского быта, далекие от правды жизни и написанные на уровне серой, скучной газетной заметки, но журнал «Литература» поспешно напечатал ее.

Дискредитация важной темы в скороспелых податках, составляемых под влиянием произведений о рабочем классе, не находит в среде литераторов должного осуждения. Донецкие писатели могли бы работать более плодотворно, если бы правление Союза писателей Украины оказывало им, людям, живущим рядом с шахтерами, металлургами, машиностроителями, знающим и любящим свой донецкий край, творческую помощь, проявляло товарищескую заботу. Но правление ССП Украины вообще мало интересуется работой периферийных писательских организаций.

Поэты и прозаики Добасса обобщают и поносят второго съезда ССПУ около сотни книг, но ни одна из них не обсуждалась на заседании правления или в творческих секциях Союза писателей, не получила сколько-нибудь серьезного, обстоятельного разбора со стороны литераторов столицы Украины. Правление иногда поднимает подлинную помощь местным писательским организациям парадной шумихой, показной заботой, организуя различные «декады» и «недели». Именно такой парадностью отличалась поездка донецких писателей в Киев в 1953 году, когда по-настоящему не было проанализировано творчество ни одного из них.

Мне думается, правлению ССПУ следовало бы подумать о таких видах творческой помощи местным писательским организациям, как лекции по вопросам социалистического реализма, марксистско-ленинской эстетики, осуждение новых произведений, организация творческих дискуссий на местах. Ведь даже теперь, готовясь к съездам и намечая проведение в Киеве дискуссий по проблемам поэзии, драматургии, сатиры, критики, детской литературы, правление не сочло нужным включить в число докладчиков или докладчиков ни одного писателя из той или другой области. Кем же руководит правление? Только писателями Киева?

Проблема создания образа положительного героя — человека труда — ждет своего художественного решения. Из среды тех, кто своими руками рубит уголь, плавят сталь, сеет хлеб и строит дома, выходят новые и новые писатели. Это — одно из прекрасных явлений нашей советской действительности. Но молодые литераторы нуждаются в творческой помощи и заботе со стороны опытных, известных писателей.

Об этом надо серьезно поговорить на предстоящих третьем съезде писателей Украины и Втором всесоюзном съезде советских писателей.

Р. КИГИНСКОЕ, секретарь Сталинского обкома КП Украины

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 111 (3295)

Четверг, 16 сентября 1954 г.

Цена 40 коп.

Навстречу Второму всесоюзному съезду писателей

Чего мы ждем от съезда

Анкета «Литературной газеты»

Ольга ФОРШ
Сила художественного слова

Накануне Второго всесоюзного съезда советских писателей хочется оглянуться на путь, пройденный нашей новой литературой, и отметить хотя бы в самых общих чертах, что ею сделано и к чему ей стремиться надежит.

Прежде всего справедливо сказать, что советскими писателями свершен огромный труд. Поднята такая задача, какую не доведется поднимать ни одному из предшествовавших поколений литераторов.

С Великим Октябрем началась и в литературе нашей великая перестройка. Возрождение в художественных образах развития новых сил и качеств, вызванных коренной переменой жизни всей страны, делало на плечи новой, советской литературы.

Крушение мировоззрения буржуазного общества и становление нового, коммунистического мировоззрения и морали не могло произойти вдруг и не только в сознании людей старшего поколения, но и в сознании людей более молодых.

В советском обществе роль литературы стала многогранной. Она призвана не только художественно отображать современную действительность, но и неустанно бороться против пережитков прошлого в сознании людей, мобилизовать читателя на великое дело построения коммунизма в нашей стране. Эти особые качества нашей литературы предъявляют к авторам и больше чем когда-либо требования.

При столь стремительно, всеобщем развитии советского строя автор обязан поспевать за жизнью. А он подчас только скользит по поверхности явлений, чем, конечно, обедняет свое произведение. Немудрено поэтому, что порой персонажи нового романа не закрепляются в памяти читателей своеобразными героями.

Советскими писателями сделано много для овладения новой тематикой. Хочется пожелать им таких же успехов и в области стиля. Надо, чтобы совсем исчезла многословная, растрапанная речь. Автору ведь всегда найдется что сократить в своем произведении, пока не останутся слова последнего, решающего значения. Хороший язык — непременное условие долговечности произведения.

Еще хочется сказать мне два слова в интересах защиты нашего русского языка, как чудесного воспеваемого Тургеневым: хорошо бы хотя раз в год собирать особую комиссию «Защиты языка» для оценки от произвольно рожденных слов, беззвучно его засоряющих.

Второй съезд писателей, бесспорно, уделять большое внимание величайшей теме — теме мира во всем мире. Нам, пережившим жесточайшую из войн, не надлежит ли воплотить образно это требование справедливой человечности? Не нам ли надлежит увеличить влияние художественного слова добрые силы против сил преступных, замысливших смерть всему живому?

ЛЕНИНГРАД
Михаил МИРОНОВ, слушатель областной партийной школы

Дайте героям большую цель!

В предсъездовской дискуссии меня удивляло больше всего абстрактные споры об идеальном герое. Простите, товарищи писатели и критики, но некоторые из вас, всерьез споря о дозировке каких-то абстрактных положительных и отрицательных качеств, подменяют большой вопрос о воспитательном значении художественных образов бесподобными, на мой взгляд, рассуждениями о том, может или не может положительный герой иметь теньевые стороны.

Не пора ли поговорить о самом главном, что определяет характер положительного героя, о том, для чего он живет. Во имя чего, например, живут положительные герои последней повести И. Эренбурга «Отшельник» или романа В. Пановой «Времена года»?

Дайте, товарищи писатели, своим положительным героям большую цель. И не только отдаленную, а конкретную, ближайшую, чтобы она звала человека вперед. Помните, как в «Юнонах» Кораленко?

Когда мы строили Днепростан, мы знали, что это — шаг к социализму. В Днепростане соединялись водно и близкая конкретная цель и построение социализма. Мы построили Днепростан и построили социализм. И нельзя упрекнуть литераторов того времени в том, что они не воодушевляли нас большой и высокой целью. Она была существом нашей борьбы и основным идейным стержнем нашей литературы.

Партия и народ решают сейчас задачу всемирно-исторического значения — в короткий срок поднять уровень жизни народа на большую высоту и тем еще раз показать всему человечеству громадные преимущества социализма. А что читать об этом в книгах наших писателей? Вспомните, как в «Юнонах» Кораленко?

смысл последних постановлений партии и правительства И. Эренбург словами одного из положительных героев повести «Отшельник» выразил так: «Все абсолютно правильно, насчет обуви, кастрюль. Хотят, чтобы люди жили... Никаких иных чувств и мыслей решения партии у героя И. Эренбурга не вызвали. Этот герой — человек без большой мечты, человек без крыльев.

Я жду, что на своем Втором всесоюзном съезде писатели серьезно заговорят о нашей стремительно развивающейся жизни, о роли писателя в общественной борьбе, об огромном международном значении нашего практического опыта и нашей литературы.

СТАЛИНО
Антанас ВЕНЦЛОВА

Проблемы, волнующие нас

Двадцать лет назад, когда в Москве проходил Первый всесоюзный съезд советских писателей, лучшие литовские литераторы, решившие отдать свое творчество борьбе родного народа за свободу, с огромным вниманием следили за работой этого съезда.

Ныне литовский народ создал свою социалистическую республику, живет солидарно и счастливо. Литовская литература получила возможность свободно развиваться, учиться у лучших советских писателей, продолжая самые прогрессивные традиции литературного наследия своего народа.

Мне, как и другим советским литераторам, хочется на Втором съезде поучаствовать на целый ряд вопросов. Очевидно, что в литературе советских народов все еще недостаточно проанализирован вопрос национальной формы. Ведь не секрет, что вопрос этот не продвинулся дальше общих фраз в статьях критиков. А между тем творчество таких писателей, как Аузуо и Ладис, Кербабая и Венуолиса, Тымчана и Саломея Нориса и многих других, представляет богатейший живой материал для изучения национальной формы. Волнуют меня проблема положительного героя, задачи сатирического жанра. Очень интересно было бы послушать мнение ведущих поэтов нашей страны о современной поэзии. Общественные и личные мотивы и их взаимоотношения, традиция и новаторство в современной поэзии в литературе различных народов — вот далеко не полный перечень вопросов, которые нам следует обсудить.

Хотелось бы, чтобы на съезде было как можно меньше разговоров о мелких деталях писательской жизни и побольше серьезных бесед об основных явлениях и задачах нашей многонациональной литературы.

В работе Первого съезда советских писателей участвовал один из выдающихся деятелей Коммунистической Литвы и борцов за Советскую Литву В. Мицкявичюс-Каласкус. Он широко популяризировал в нашей марксистской печати решения съезда, пропагандируя в литовской литературе метод социалистического реализма и обозначая направление работы революционных литовских писателей. Во Втором всесоюзном съезде примет участие более десяти писателей Литвы.

Литовские советские писатели впервые в истории своей литературы примут на всесоюзный съезд как равноправные творцы великой советской литературы, испытывая чувство гордости и вместе с тем огромной ответственности за выполнение задач, поставленных перед ними эпохой, народом, партией.

ВИЛЬНИС
Константин СЕДЫХ

Против пассивности

Все наиболее значительные произведения советской литературы создавались и создаются писателями, глубоко и всемерно знающими нашу социалистическую действительность, живущими общей с народом и партией жизнью. Эта истина не требует доказательств.

В уставе Союза советских писателей сказано, что членами Союза советских писателей могут быть писатели, стоящие на платформе советской власти и участвующие в социалистическом строительстве, занимающиеся литературным трудом.

А между тем в наших рядах благополучно здравствуют иногда люди, в общественном отношении абсолютно пассивные, а в творческом — давно и безнадежно бесплодные. Чаще всего это литераторы, поставленные полностью самим собой. Деятельности они имеют не пишут, нигде не работают и не имеют никаких общественных обязанностей.

Хочется мне упомянуть здесь еще о двух численно незначительных группах писателей, знакомых любому из нас. Один — в общественном отношении тоже очень пассивные. Но они что-то пишут, печатаются и зарабатывают вполне достаточно для того, чтобы жить не по десяти месяцев в году лишь в таких легко доступных для них местах, как санатории и дома творчества нашего Литфона. Они не сдают на месте, они ездят все время. В районах освоения целинных земель,

например, их никогда не встретишь, но всегда найдешь, если не в Голыцино, то в Малеевке, если не в Дубултах, то в Коктебеле. Вечно они собираются побывать в иных — не курортных местах, но так и не могут собраться из-за своей барствяной лени. Я очень желаю, чтобы после съезда эту их лень судило, как ветром.

Другие, о которых нельзя никак умолчать, — это некоторые молодые и очень одаренные литераторы. С первой или со второй книгой пришли к этим товарищам и слава и деньги. И вот вместо того, чтобы использовать эти деньги, пока есть молодость и здоровье, для поездок по белому свету ради новых встреч и новых впечатлений, эти писатели в полном смысле слова почли на лабрах. С нежданной для них практически обилием они уютными квартирами в Москве и не менее уютными дачами в лучших местах Подмосковья. Но за этот уют они заплатили слишком дорогой ценой — они оторвались от родной страны, от героев своих книг. Годы идут, а новых произведений молодых, пишущих здоровьем писателей нет и не предвидится. Да оно и неудивительно! Ведь дачный впечатлений никогда не хватит на такие, например, романы, как «От всего сердца».

Думаю, что на съезде писателей следует серьезно поговорить о том, чтобы не было в наших рядах «мертвых душ», вечных путешественников по санаториям и дачам, слишком рано почивших на лабрах.

В новом наставе следует ясно сказать, что советский писатель не может быть ни обывателем, ни праздным свидетелем совершающихся в стране дел и событий, что его прямая и почетная обязанность — быть активным участником борьбы за коммунизм.

Старший советский писатель Ф. Гладков в статье, опубликованной в восьмом номере журнала «Октябрь», предлагает, на мой взгляд, совершенно правильные меры для добровольного привлечения как партийных, так и беспартийных писателей к активной общественной жизни и более интенсивной творческой работе.

Необходимость этого совершенно очевидна.

ИРКУТСК
Г. АМИТЯРОВ, преподаватель литературы

Нужна ваша помощь

Хочется думать, что Второй всесоюзный съезд писателей станет крупной вехой на пути дальнейшего роста нашей литературы. Мы идем и надеемся, что вопросы художественного мастерства будут успешно обсуждены и решены на нем.

Мы, преподаватели литературы, особенно заинтересованы в этом. Ведь один из основных недостатков постановки преподавания литературы в школе — невнимание к художественной стороне литературного произведения — объясняется во многом именно тем, что наша литературная критика обходит эти вопросы.

Мы ждем от писателей того, что делал М. Горький, когда писал лекции о русской литературе и художественно-критические статьи типа «Русские сказки», от критиков ждем монографий о мастерстве наших советских классиков.

Школе и нам, педагогам, нужна и непосредственная помощь писателей в создании учебников по литературе. Проходят конкурсы на лучшие учебники; макеты четырех вариантов учебников по советской литературе для десятых классов, например, разосланы для обсуждения. Посланы они и в Союз писателей. Слово советского писателя здесь особенно весомо.

А составление хрестоматий по литературе, книг для чтения в начальной школе, — разве могут проходить мимо этого писатели? Они должны указать на допущенные в учебниках ошибки и огрехи до того, как книги выйдут в миллионных тиражах. Они должны помочь составителям не только основательной, умной критикой, но и конкретными советами. Стоит вспомнить, что Л. П. Толстой, пожалуй, больше, чем над любым из своих гениальных романов, работал над «Азбугой», убедительно доказывая ни с чем не сравнимую важность этой работы. И если наша школа получит учебники, подобные тем, которые милохотом талантливо и вполне заслуженно осмелел А. Корнейчук в «Платоне Пречесте», то здесь будет вина и писателей, отстранявшихся от этой работы.

И, наконец, очень хотелось бы, чтобы писательская общественность подняла свой голос на съезде за ускорение строительства нового здания Государственного литературного музея в Москве. Все мы помним прекрасные выданные выставки музея, посвященные «Слову о полку Игореве», литературе XVIII века, творчеству Радичева, Пушкина, Державина, ныне существующую выставку творчества Гоголя. Но почти все они быстро свертываются и заменяются новыми, хотя не перестают быть нужными. Сейчас в музее открыта выставка советской литературы, но она крайне неполная: охватывает период лишь до начала Великой Отечественной войны и не включает в себя литературу братских народов. А нам очень нужна постоянная выставка, на которой, «апаратом развернув своих страниц войска», встанет перед глазами советского читателя вся великая многонациональная литература нашей страны.

МОСКВА

Международные отклики

БЛОК КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

Опубликован в и н о ё вчера Заявление Министерства иностранных дел СССР по поводу создания так называемого «блока» о обороне Юго-Восточной Азии» с предельной ясностью разоблачает агрессивную сущность новой военной группировки. Конференция в Маниле была подготовлена и проведена западными державами за спиной стран Азии. Главная роль в этом деле принадлежала Соединенным Штатам Америки. Уже этот факт, подмечается в Заявлении Министерства иностранных дел СССР, красноречиво говорит о том, в чьих интересах создается новая группировка и какова цена всяким утверждениям насчет того, будто она отвечает интересам стран Юго-Восточной Азии.

Американская пропаганда пытается изобразить дело так, словно дипломатия США одержала чью-то «триумф» в Азии. Так ли это? Напомним, что вашистонские стратеги мечтали о широком «антикоммунистическом фронте» азиатских стран для борьбы против сил прогресса и демократии. Однако такие государства Юго-Восточной Азии, как Индия, Индонезия, Бирма и Цейлон, отказались от участия в авантюристической затее США. Из стран этого района только Пакистан, Филиппины и Таиланд подписали договор. Уже это само по себе красноречиво говорит о том, что народные массы Азии отвергают военные союзы, чуждые их интересам. СЕАТО представляет собой, по существу, блок колониальных держав, заинтересованных в сохранении своих военно-стратегических и экономических позиций.

Агрессивный характер военного блока, сключенного под эгидой США, совершенно очевиден, хотя его пытаются прикрыть маской «коборны». Весь текст договора, вплоть до оговорок, сделанных США, о его антикоммунистической направленности, прояснен духом войны. Совершенно очевидно также, что блок колониальных держав его организаторы будут пытаться использовать для расправы с национально-освободительным движением в этой части мира. Недаром в тексте договора имеется упоминание о «поддерживаемой» деятельности, под которой колонизаторы подразумевают национально-освободительное движение народов этого района.

Впрочем, некоторые буржуазные деятели и органы печати сами буржуазно открыто говорят об истинных целях организации СЕАТО. Так, бывший начальник штаба английских военно-воздушных сил маршал авиации Джон Слессор заявил на днях, что у нового военного блока «чертовски крепкие зубы, правда, не те, которые видны при улыбке». Ну как не вспомнить детскую сказку, хорошо известную и английским и американским детям, о сером волке, чьи «чертовски крепкие зубы» были хорошо видны, хотя волк и обрядился в чепец доброй бабушки? Английский еженедельник «Нью стейтсмен энд нейшн» отмечает, что новый «пакт неприятно напоминает священный союз «Меттерниха». А американская газета «Чикаго трибюн» в статье под заголовком «Война любой ценой» называет истинных хозяев американских дипломатов выраженных пиетет, что США заключили договор, который «глубже, чем большинство американских союзов, «СЕАТО» имеет целью гарантировать, что мы с самого начала окажемся участниками любой новой войны, зародившейся в Азии, так же как НАТО преследует ту же цель в Европе...» продолжает газета. — Эта система взаимосвязанных союзов представляет собой не что иное, как гарантию того, что США будут участвовать в любой войне где бы то ни было».

Никто, разумеется, не поверит в утверждение авторов договора, что в заданной области создается «экономический прогресс» стран Юго-Восточной Азии. Известно, что США, Англия и другие колониальные державы руководствуются своими собственными узкими интересами, главным образом, военно-стратегического характера. В их агрессивных планах азиатским странам отводится роль поставщиков стратегического сырья для военной промышленности.

Договор, подписанный по инициативе США, является прямым нарушением международных соглашений. Организаторы новой военной группировки пытаются втянуть в нее в той или иной форме Лаос, Камбоджу и Южный Вьетнам. Однако, как известно, участники Женевского совещания взяли на себя определенное обязательство в отношении этих стран, исключив любую возможность вовлечения их в какие бы то ни было военные группировки. СЕАТО находится в вопиющем противоречии и с целями и принципами Организации Объединенных Наций, хотя сторонники политики «с позиции силы» снова пытаются использовать в дедологических целях флаг этой организации.

Военная группировка, сключенная США при участии других колониальных держав, направлена против народов Азии, против интересов безопасности в Азии и на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТОР

Законный вопрос американского читателя

Советские читатели уже знают, что госдепартамент США срывает недавно клезу по поводу инцидента у мыса Островной, где американский военный самолет нарушил советскую границу: американская делегация в ООН обратилась с провокационной «жалобой» в Совет Безопасности, где все это дело позорно провалилось.

Нужно сказать, что само общественное мнение США осуждает провокационные вылазки американских самолетов, выполняющих «дубль под видом «патрулирования» или «учения полетов» задания американской разведки. Вот, к примеру, письмо одного американца, появившееся в газете «Нью-Йорк таймс» после аналогичного инцидента, имевшего место 29 июля 1953 года, когда американский четырехмоторный бомбардировщик «Б-50» нарушил границу СССР в районе мыса Гамова, недалеко от Владивостока, обстрелял советские истребители, предложившие ему покинуть воздушное пространство Советского Союза, и ответным огнем был отогнан с советской территории: «Редатору «Нью-Йорк таймс».

...Из газетных сообщений по поводу последнего инцидента, происшедшего над Японским морем, я узнал, что сбитый американский самолет являлся именно одним из тех, которые посылают самолеты в тренировочные полеты настолько близко к советской территории, чтобы они подвергались опасности. Ясно, что такая политика без нужды ставит под угрозу жизнь членов экипажей этих самолетов, не говоря уже о сверном настроении и потере престижа, которые мы ощущаем обычно после каждого такого инцидента.

Войны начались и по еще более пустяковым поводам. Почему бы нам не избрать такую политику, чтобы наши самолеты держались как можно дальше от русской территории?

Дж. М. ОУЭН, Нью-Хэвен, штат Коннектикут, 5 августа 1953 г.

В самом деле, почему бы?

Открытие съезда писателей Белоруссии

МИНСК (Наш корр.). 15 сентября в Театре имени Янки Купалы открылся третий съезд писателей Белоруссии. Вступительное слово произнес Якуб Колас. С докладом «Белорусская литература между II и III съездами писателей Советской Белоруссии» выступил П. Бровка.

Начало занятий на Высших литературных курсах

Вчера начались занятия на Высших литературных курсах Союза советских писателей СССР, открывшихся в этом году при Литературном институте имени М. Горького. На курсы зачислены сорок литераторов Российской Федерации, Украины, Белоруссии, закавказских, среднеазиатских, прибалтийских и других союзных, а также автономных республик.

В числе принятых на курсы писателей — прозаики О. Малышев, Л. Кабо, Х. Теунов, В. Очеретин, поэты Н. Доризо, Ю. Гордиенко, Г. Эмиль, О. Шираз, Г. Борян, драматурги Д. Деятов, А. Салынский и другие.

Слушателям курсов будут прочтены лекции по диалектическому и историческому материализму, эстетике, политэкономии,

Издание произведений М. Коцюбинского

Широкой известностью пользуется на Украине творчество выдающегося украинского писателя Михаила Михайловича Коцюбинского. К исполнению 17 сентября девятидесяти годовщины со дня рождения писателя республиканская книжная палата подвела итоги изданий и распространения его произведений на Украине.

За годы советской власти произведения М. М. Коцюбинского издавались 263 раза общим тиражом 4,975 тысяч экземпляров. Неоднократно выходило из печати полное

собрание сочинений писателя. Общий тираж избранных произведений М. Коцюбинского составил свыше полумиллиона экземпляров. Много раз массовыми тиражами печатались новеллы: «Подарок на именины», «Он идет», «Смех», повесть «Гата могола» и другие.

Сейчас во дворах культуры, клубов и библиотек города открыты книжные выставки, посвященные жизни и творчеству писателя.

СЕЛУ — ТЕАТРУ!

Л. ЧЕРЕНЦОВ

Летом нынешнего года в художественном облуживании села участвовал 261 театр Российской Федерации. Впервые наши театры так единодушно откликнулись на запросы сельского зрителя.

Начало многообещающее. Тем более хочется серьезно поговорить о тех немалых трудностях, которые стоят на пути театров, отправляющихся на село, и ослабить роль искусства в огромных преобразованиях, совершающихся сегодня в социалистической деревне.

Возьмем одну из наиболее показательных в этом отношении областей — Саратовскую, где относительно большое количество театров бывает на селе регулярно, и выберем наиболее деятельный театр из числа районных, проводящий все лето в деревне. Такой театр — Пугачевский. На его примере мы можем проанализировать достижения и недостатки в театральном облуживании села.

Пугачевский городской драматический театр (директор А. Петров, главный режиссер Н. Галин) прошлым летом объездил половину районов области, показал 203 спектакля 35 тысячам сельских зрителей — проделал столько же, сколько остальные театры области — Энгельский, Вольский, Балашовский, вместе взятые...

Итак, мы на спектакле этого театра гледищем в отдаленной Балнице, либо на тех целинных землях, что граничат с Казахстаном. В антракте мы заговариваем со зрителем, и... цифра «летние гастроли стоковых театров на селе» тут же теряет свою успокаивающую солидность. Люди, сидящие сейчас рядом с нами, видят театр 1—2 раза в год — и все. Это в области, богатой театрами, в районах, где регулярно гастролирует Пугачевский театр! Что же делается в других местах? Там сельский зритель не видит театра годами.

Отчего это происходит?

Дело в том, что хотя графа «Обслужено сельских зрителей» заполнена приятными цифрами, но на площадках колхозных клубов спектаклей дается очень и очень мало. Из 203 гастрольных спектаклей прошлого года пугачевцы дали непосредственно в колхозах, совхозах и МТС только 89, остальные же состоялись в районных домах культуры. И это еще хорошие показатели! Большинство театров гастролирует почти исключительно в районных центрах.

Одна из причин, по которым театр избегает сельских площадок, — трудности расписания. Чтобы очень скромно «спрокормить» маленький, 3-го поста, с небольшим штатом и невысокими ставками Пугачевский театр, требуется полмиллиона рублей. Разложите-ка эти деньги на число рабочих дней в году, и окажется: для сведения баланса театр обязан собирать за спектакль около двух тысяч рублей. Энгельский театр — 2-го поста, ему нужен почти миллион, и «цена» спектакля в Энгельском театре возрастает. У колхозников 1-го поста финансовые планы еще больше.

В селе театр, как правило, «горит». Если в районных центрах имеются сравнительно вместительные дома культуры на 300—500 человек, то непосредственно в колхозах театр такого помещения не найдет. Потому-то Пугачевскому театру и пришлось дать 114 спектаклей в районных центрах. Сборы покрывали убытки, которые театр понес на спектаклях, показанных непосредственно в колхозах, совхозах и МТС.

Затрудняет работу театра в селе и недостаток удобных площадок. Маленький Пугачевский театр, имеющий портативные декорации, довольно успешно приспособляется к миниатюрной площадке сельского клуба, и к сараю. Но как в подобной обстановке играть областному театру? Ему приходится делать новые декорации, менять мизансценировку, то есть вносить существенные поправки к готовому спектаклю! Все это, разумеется,

преодолимые препятствия, но полчасе областной театр предпочитает не ехать дальше районного центра.

При слове «ехать» сжимается сердце директора Пугачевского театра. В его распоряжении имеется одна выдавшаяся «штука» — автобус. Она и для декораций, и для актеров. Вольскому театру горисполком нашел возможность выделить на гастрольный автобус, но в Пугачеве этого сделать не смогли, и театр ежегодно платит за транспорт 30 тыс. рублей аренды. Это более чем втрое превышает стоимость нового грузовика!

На этой-то «штуке» и развезает бригаду. В жару, в непогоду на открытой машине по 50—100 километрам... Был случай: ехали в целинный совхоз. Степь встретилась грозой, ливнем. В первой же выбоине «спидка» более часа, вытаскивали грузовик веревками. Последние километры толкали машину руками (се ведь было бросить из-за декораций)... Изурнанные семидесятикилометровой поездкой, промокшие, уже через час-полтора играли комедию Маяковского «Извините, пожалуйста!».

Но и такие гастрольные продолжения всего несколько месяцев. Зимой села фактически не обслуживаются вообще. Не только из-за плохих условий работы (транспорт, холодные помещения), но, главное, потому, что театры не подготовлены организационно к круглогодичным гастролям.

Раньше у нас существовало много колхозно-совхозных театров, работавших только на селе. Самые нерентабельные из них реорганизовали, другие же, творчески выросшие, как Пугачевский, были переведены на положение городских театров... И вот ныне театральное облуживание села в основном свелось к летним двух-трехмесячным гастрольям.

Но как же охватить многомиллионную сельскую аудиторию, жадно тянущуюся к театральной культуре? Как сделать, чтобы к театру было приобщено все население? Нам кажется, возможен такой путь решения этой проблемы. Многие наши районные театры (в том числе и Пугачевский) работают на гастрольях турпоездками бригадами с самостоятельным репертуаром каждой. И нужно признать, что это — весьма удачное хозяйское распределение сил, ибо в обычном спектакле, как правило, занято не более 50—70 процентов актерского состава театра.

Опыт бригадной работы является одним из решений задачи круглогодичного облуживания села: на базе районного театра создается гастрольная бригада, через которую периодически может быть пропущен весь коллектив. В нынешних условиях театры посещают село в крайне напряженное время: в период весенне-посевной и летне-уборочной кампаний, а в самую желанную пору — осенью и зимой — театры приехать не в состоянии, ибо начинается городской зимний сезон. Специальная гастрольная бригада может обслуживать село круглый год, не срывая работу коллектива в городе. Конечно, здесь не обойтись без некоторого увеличения штатов. Но при хорошей организации гастрольей оно окупит себя и в творческом и в коммерческом отношении.

Так, тот же Пугачевский театр, перейдя на двухбригадную работу, подготовил в свое время спектакли, обслужив втрое больше зрителей и в два раза увеличив доходы.

Сборы гастрольной бригады возмещают большую часть расходов на зарплату, постановки и транспорт. Но естественно, что при регулярной работе на сельских площадках театрам потребуется небольшая дотация. Ее размеры зависят, конечно, от

местных условий. Здесь нужно подходить строго индивидуально к каждому коллективу.

Организовав гастрольные бригады, нужно заняться их снаряжением. Предстоит немалая работа по созданию портативного оформления с применением мягкой фактуры, скляных каркасов, скляных плоскостных деталей, вставок, несложного светосформления и т. п. Сейчас уже есть ряд интересных проектов декорационного оформления выездных спектаклей. Министерство культуры СССР должно поскорее приступить к их реализации, наладить производство портативного оборудования в крупном масштабе. Неплохо бы еще на грузовике, предназначенном театру, сделать раздвижной пол. Его использовали бы как сцену в спектаклях под открытым небом. Привинутый к грузовику автобус заменил бы рабочие комнаты... Да смонтировать на автомашине генератор на 3—5 киловатт!

Грузовик, автобус! Мечты районного театра... Но без добротного автотранспорта разговор о круглогодичных гастрольях на селе — разговор пустой. И нужны не обычные грузовики и автобусы, а с высокой производительностью. Гастрольи возможны лишь при строгом соблюдении плана-маршрута. План зависит от явки театра на место, явка — от транспорта. Достаточно пройти дождь, как грейдер становится непроходимым на 5—6 часов. В этих условиях вырывают лишь машины с обоями воздушными мешками.

Однако перейдем от мечтаний к лимиту Управления театров Министерства культуры РСФСР. Лимит — 23 автомашины в год... В прошлом году не было ни одного.

Но предположим, лимит увеличили и даже выполнили, бригаду организовали, и театр выехал на гастроль. Вот тут очень много зависит от внимания местных организаций. Практика работы Пугачевского, Рязанского, Тамбовского, Томского и многих других театров показывает: там, где местные органы заботятся о театре, тотчас оживляется на его нужды, организуются и направляют его деятельность, там гастрольи проходят на высоком художественном уровне и, как правило, дают доход. И наоборот, в тех случаях, когда областные и районные организации безразлично относятся к театру, тогда его гастрольи проходят плохо — твердый график срывается, спектакли проходят при полупустом зале, актерам не предоставляются элементарные удобства. Были подобные примеры и в практике Пугачевского театра. Так, в Дергачевском районе безобразно встретили артистов дирекция совхоза «Восточный». Уставшим от долгой и трудной поездки актерам не подготовили помещения для отдыха, спектакль по вине дирекции начался в двенадцатом часу ночи (а рабочим вставать в пять-шесть утра!). Конечно, и актеры играли хуже, и в зале было мало зрителей.

В этом году Саратовский обком КПСС и облкомхоз приняли решения о проведении летних гастрольей театров на селе, обдумали и утвердили репертуар, сроки и маршруты выездов, обязали районное руководство оказывать театрам всестороннюю помощь. И потому в области, за исключением исключений, гастрольи прошли более организованно и планомерно, нежели в прошлые годы.

Многие сложные и нерешенные вопросы, многие трудности и недостатки в театральном облуживании села, естественно, выявились особенно резко сейчас, когда театры выезжают в деревню значительно чаще, чем прежде. Поэтому особенно важно именно теперь тщательно изучить и обобщить опыт лучших театров, таких, как Рязанский, Тамбовский, Пугачевский. От этого во многом зависит успешное продвижение театральной культуры на село.

Мы, кажется, подошли к самой сути дела. В самом деле: интересно узнать, что дает колхозу освоение новых земель? Какие перспективы роста доходов артели и колхозников открывает целина? Это было особенно интересно услышать от Андрея Андреевича Власюка — человека рачительного, хозяина опытного.

У «Гиганта» — хозяйство многоотраслевое. В колхозе порядок не только в поле, но и на фермах. Ни у кого в округе нет плодоносящего сада, а в «Гиганте» есть: тут и великолепный огород и пасека. В Булаеве, да и в самом Петропавловске на колхозных рынках у «Гиганта» свои ларьки, где всегда можно купить капусту, свежие овощи и соевый.

— Нас кое-кто из соседней торговки называет, — с улыбкой рассказывает Власюк. — А я так думаю: как ни издави, только в поле не станови! Я-то хорошо знаю, что на одном только рынке не разбогатее колхоз. Пшеница — вот основа нашего дохода. Особенно это стало заметно после установления новых заготовительных цен и закупочных цен. Осенью прошлого года мы продали государству пшеницы на 350 тысяч рублей. Часть денег выдала колхозникам на трудонд, а большую долю определили на укрепление артельного хозяйства. Колхоз приобрел две автомашины, пилораму, передвижную электростанцию, подвесную дорогу для МТФ, построил маслозавод, овчарню, два скотных двора. Прошли в дома колхозников радио, заложил новый клуб на 280 мест... В этом году, распахав целину, мы увеличили посев пшеницы в полтора раза. Высокий урожай, выращенный на этих землях, позволил нам сдать государству зерна в три раза больше, чем в прошлом году. Вот откуда он — доход-то! Плюс от огорода тысяча триста, от животноводства...

Андрей Андреевич любит вести счет артельной копейке. Коль зашел разговор о доходах колхоза, так он повелет его с толком: неторопливо, доказательно. За всем этим угадываешь человека с размахом, сметкой. Власюк рассказывает о перспективах роста экономики колхоза в связи с освоением новых земель и развитием зернового хозяйства.

Доход артели в миллионы рублей увеличивается почти втрое. В этом году будет выдано на каждый трудонд по четыре килограмма зерна и по четыре рубля деньгами. Многие семьи колхозников в «Гиганте» получают в этом году на заработанные трудонды по 4—6 тонн пшеницы и по несколько тысяч рублей деньгами. Кузнец Василий Устищенко — один из зачинате-

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«БОГАТСТВО ПОД СПУДОМ»

Под таким заголовком 10 июля была напечатана корреспонденция, критиковавшая вологодские областные организации, а также Министерство сельского хозяйства СССР за слабое обобщение и распространение опыта значительной страны, Героя Социалистического Труда А. Е. Люсковой. Речь в корреспонденции шла также о необходимости механизировать трудоземные процессы на свиноферме.

Секретарь Вологодского обкома КПСС тов. Малинин сообщил редакции, что статья грубовато осматривает положение дел на свиноферме колхоза «Буденновец». Между прочим, директор колхоза, директор Шейбуховской МТС, в зоне которой находится колхоз «Буденновец», и директору Вологодского судоремонтного завода, шестифутовое колесо колхоза «Буденновец», предложено обеспечить в текущем году капитальный ремонт двора свинофермы и механизировать все трудоземные работы.

В соответствии с этими указаниями в настоящее время на свиноферме покрашены крыши, отремонтированы стены двора и печи, заменены цементные проходы, настелены полы в столах.

На ферме установлена передвижная электростанция, механизированы подача воды, реза соломы и дробление жмыха. Чтобы полностью механизировать колхоз, областное управление сельского хозяйства выделило двигатель и генератор. Кроме того, перед Министерством сельского хозяйства РСФСР поставлен вопрос о выделении колхозу «Буденновец» передвижной электростанции. Ведутся работы по улучшению дороги от районного центра до колхоза «Буденновец». Для оказания практической помощи при механизации фермы в колхоз командированы инженер и зоотехник.

Об опыте работы А. Люсковой ранее было издано несколько брошюр. Однако, как сообщает тов. Малинин, в них более глубокого изучения методов работы тов. Люсковой и издан массовым тиражом пособия, в текущем году на свиноферме в течение шести месяцев работал аспирант Вологодского молочного института тов. Григорьев. В настоящее время готовится к изданию труд с подробным изложением методов работы Люсковой.

Областные организации входят в правительство с предложением создать опытно-показательную станцию на базе свинофермы колхоза «Буденновец».

«АВТОР НА УРАЛЕ — РЕДАКТОР В МОСКВЕ»

Так было озаглавлено опубликованное 4 мая письмо группы ученых Уральского филиала Академии наук СССР о необходимости восстановить право крупных филиалов Академии наук СССР самостоятельно издавать свои труды.

В связи с этим редакционно-издательский совет Академии наук обратился в Министерство культуры СССР с ходатайством о разрешении печатать научные труды филиалов в областных издательствах. В настоящее время Министерство культуры СССР дало указание министерствам культуры РСФСР, Молдавской ССР, Карело-Финской ССР при рассмотрении планов изданий на 1955 год решать вопрос о включении наиболее важных научных работ в издательские планы республиканских и областных издательств совместно с филиалами Академии наук СССР.

Подготовка этих трудов к изданию будет осуществляться непосредственно самими филиалами Академии наук СССР.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

У них ведь есть родители...

Давно у нас прошло то время, когда женщина материально и морально была в полной зависимости от мужа, от родственников, когда рождение ребенка еще более замыкало ее в узкий семейный круг. Наша советская женщина — обычно человек работающий, материально самостоятельный, у которого есть все возможности для воспитания своих детей.

В том же случае, если мать, оставшись одинокой, не может одна воспитывать детей, государство приходит ей на помощь. В частности, она имеет право определить своего ребенка в детское учреждение — на содержание и воспитание полностью за счет государства.

Мне же хочется поговорить сейчас не столько о правах, сколько об обязанностях матери. В дом ребенка поступают главным образом дети-сироты. Здесь стараются сделать все возможное, чтобы малыш не чувствовал отсутствия родителей, чтобы рос он крепким, здоровым. Но надо ли говорить, что и самый хороший, благоустроенный дом ребенка все же не заменит ребенку мать.

Я давно работаю в Одесском доме ребенка и с радостью вижу, что немногие дети-сироты задерживаются у нас надолго. Чаще всего их усыновляют: в новых семьях они находят материнскую ласку, любовь.

Но хоть и редко, а встречается круги случаев, о которых я хочу довести до сведения общественности: в нашем доме живут и дети, имеющие родителей. Этих здоровых, работоспособных людей ничто не мешает своим воспитывать своих детей, ничто — кроме безразличного эгоизма и себялюбия!

Вот несколько таких случаев. В Берин жил с женой и двумя детьми где-то на севере. После семейной ссоры он увез старшую дочь в Одессу к бабушке, но та не захотела возиться с внучкой. Так девочка попала в Дом ребенка, где прожила больше года. Отец иногда по воскресеньям заглядывал к дочке. Прекрасно одетый, он приходил к ней с какими-то молодыми женщинами, приносил шоколад и печенье.

От этих посещения девочка расстраивалась, потом подолгу плакала, тосковала, безучастно по всему. Конечно, она не осознавала происходящего, но видела, что папа и мама ее бросили. Девочка все время находилась в подавленном состоянии. Отдала своих детей-близнецов в Дом ребенка и товарищ А. Митяев. Посещая детей, она приносит им подарки, требует, чтобы убрали остальных ребятшек, кото-

рые тянутся к новым игрушкам. На воспитательниц Митяева кричит, грубит им. Почему эта здоровая, работающая женщина освободила себя от обязанностей матери?

Причины, разумеется, найдутся. Могут быть и материальные затруднения и тяжелые квартирные условия. Но ведь потому и свято для нас слово мать, что она способна преодолеть любые трудности ради своих детей, но не отречется от высокого материнского долга.

Пилевер Л. Финушал разошлась с мужем и приехала с тремя детьми в Одессу. Здесь у нее нет квартиры, но уезжать Финушал не хочет, хотя могла бы получить квартиру и работу в любом другом пункте области. Поэтому она работает не по специальности, потому она разрушила семью, — дети ее воспитываются в детских домах и даже не знают друг друга.

Существует положение: если мать согласна, ее ребенок может быть усыновлен. Но некоторые матери не дают такого согласия, так как не хотят потерять будущего кормильца. Не улеяла ребенку адектарского внимания, такая мать сознательно лишает его семьи. Гражданка Шихтер не поощряет своего ребенка уже около двух лет, на вопросы знакомых отвечает, что ребенок умер. Можно ли считать, что у Топа Шихтера есть мать? Нет, конечно. Но сдать его в новую семью нельзя, так как формально он не является сиротой.

Мне кажется, что в подобных случаях необходимо разрешить и без согласия матерей усыновлять детей, отгнанных ими в Дом ребенка.

Обращает на себя внимание и разница в правах матерей — родивших и усыновивших. Она существует в плате за ясли, в размере налога на малолетних, в пособиях. Мать, которая родила ребенка, пользуется преимуществами, которых не имеет мать усыновившая. Правильно ли это?

Случается иногда, что женщина не может воспитывать детей из-за плохих жилищных условий. Вот почему при распределении квартир необходимо в первую очередь думать о матерях с детьми. А одесские городские организации вместо этого предпочитают выносить постановления об определении детей в Дом ребенка...

Вот несколько фактов из практики мысли, которые хотелось бы положить в писем. Может быть, стоит печатать его!

Педагог Л. МАШКОВСКАЯ

ОДЕССА

Гравированная пошлость

Многим отходящим и лечашимся в Ессентуках хочется сохранить память об этом красивом уголке Северного Кавказа. Этим пользуются дельцы из местной артели имени Кирова, входящей в систему «Резубитрмхоза» Ставропольского края.

С раннего утра до позднего вечера в центре ессентукского парка в небольшой будке пять «мастеров» гравировают на чашках, блюдах, стаканах эмблему «Бавминво» — орла с распростертыми крыльями и надписи. Предпочтение отдается стаканам, на которых, чтобы не утруждать заказчика, уже заранее начертаны прилич-

ствующие ему виду посуды рифмованные изречения.

В безграмотных виршах на всякие лады восхваляются горячительные напитки:

«Водка выпить не вредит, а повышает аппетит».

Или рекомендуются, «вспоминая про Бавза, стопку выпить еще раз». Проникнутые заботой о распространении «своей» продукции, дельцы из артели убеждают:

«Пей мою, не забудь купить и свою».

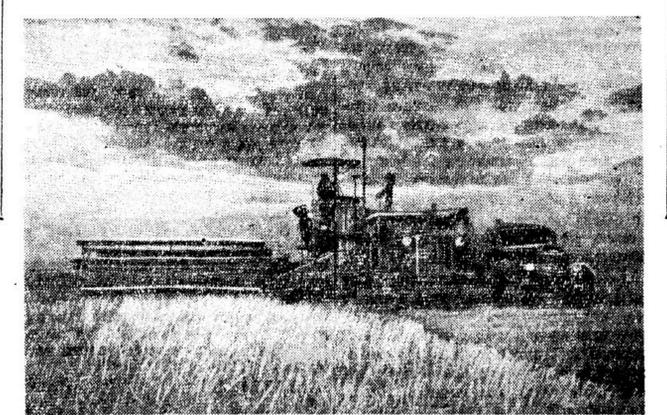
«Пей», «выпивай», «выпьем» — эти глаголы в повелительном наклонении встречаются в каждой надписи. Даже парящая орла, и того приобщают ратовать за столь «полезное» для больших зачатие:

«Орел живет сто лет и тому, кто пьет, шлет свой привет».

Ну, кому, спрашивается, нужна эта гравированная пошлость?

Д. БЛАТТ

ЕССЕНТУКИ

Комсомольская бригада И. Рудского приехала на освоение целинных земель в Джаркентскую МТС, Кустанайской области, с Украины. Она первой в области закончила весенний сев и первополнила план подъема целинных земель.

На снимке: комбайнер Я. Козырь убирает хлеб на полях колхоза имени Калаяда, Федоровского района.

Фото Л. Доренского

В степи и на элеваторе

ПИСЬМА С ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ

Уже пятье сутки подряд над степными просторами Северного Казахстана плывут однообразно-серые, плотные тучи, из которых на землю сыплется мелкий, надоедливый дождь.

Остановились комбайны. Развезло дороги. Тысячи комбайнеров, водителей грузовиков, чьи машины застряли в колдобинах, с надеждой поджидают такую мерзость? А дождь все сыплет и сыплет...

Но вот выглянула солнышко, поуда ветерок, и тотчас же затарахтели комбайны, потанули по степным дорогам вереницы автомашин, груженных хлебом.

Хлеб... Ему все подчинено сейчас тут, на целине. Пустуют районные учреждения и конторы; колхозники, механизаторы, служащие, рабочие — все заняты одной мыслью, одним делом: как бы скорее убрать богатый урожай.

Хлеб... Вот он... Скольким можно охватить взглядом, раскинулось красновато-золотистое море пшеницы. Устае, тяжелые колосья — один к одному, склонившись под тяжестью зерен, они неторопливо волнуются по ветру.

Поде удивительно чистое, ни соринки. Целина уродилась... с горюстью говорит председатель колхоза «Гигант» Андрей Андреевич Власюк.

— Не пшеница, а золото, — добавляет он и осторожно, стараясь не смять ни одного стебелька реинновыми сапогами, на которых напало дождевых полудра грязи, входит в поле. Председатель невысокого роста, и пшеница его по рукам. Власюк забредает руками колосья, ощупывает их.

— Сырье... — тихо произносит он. — Скорее бы разведчались!

В степи тихо. Безудержно стрекочут кузнечики. Парит, видно, и ночь опять не миновать дождю.

— Но двадцать центнеров с га молотчимая, — говорит Андрей Андреевич. Да, целина уродилась... Вот она, под ногами, эта целина: низкорослый, горький по-

лунник, петушья перья ковыля. А рядом — та же целина, облагороженная, валежная руками человека; на ней колыхнется, как на всякой колыхнется, переливаясь тяжелыми колосьями, пшеница.

Мы идем межой к комбайнам. Председатель, как и все, с кем мне приходилось сталкиваться в эти дни, расстроено непогодой, и наша беседа дождю не клеится. Разговор все вокруг погоды: насколько ли такой беспорядок в небесной канцелярии: как бывало в другие годы... Наконец, Власюк «взялся» и стал рассказывать историю села Полтавки, где расположено колхоз «Гигант». Полтавка возникла тут, в казахстанских степях, в 1903 году. Большая часть жителей села — переселенцы с Полтавщины, прехавшие сюда в поисках счастья. Люди тянулись в эти далекие степи обилье земли.

Земли здесь много — недаром артель называли «Гигантом». За колхозом закреплено почти девятнадцать тысяч гектаров пашни, лугов и других угодий. Из этих 19 тысяч до последнего времени колхоз использовал под пашню только одну треть. Остальные, чаще всего отдаленные земли считались малопригодными и лежали нетронутой целиной. Никто и не подозревал, какие огромные резервы производства зерна заключены были в этих землях.

Задумались об этом уже после сентябрьского Пленума, — признается Власюк. — Создали специальный тракторный отряд для подъема целины. Пройшли осенью и за весну этого года отряд поднял почти полторы тысячи гектаров целины. А за лето — еще две тысячи. Одним словом, за год мы почти удвоили посевную площадь колхоза...

Большую часть целинных земель, поднятых осенью и весной, колхоз засеял пшеницей. С этих земель «Гигант» получает дополнительно свыше 20 тысяч центнеров отменного зерна. Уже сейчас полтавцы прикинули свои резервы и решили после выполнения плана хлебоблагодатство продать государству 48 тысяч пудов хлеба.

— Это основа нашего дохода! — оживился Андрей Андреевич.

О записных книжках П. А. Павленко

Записные книжки — неотъемлемая часть работы писателя. В них можно ясно проследить тот кропотливый процесс накопления материала, подбора фактов, фраз, даже отдельных слов, которые потом перейдут в прямую работу над рассказом, повестью, романом. Чехов писал в письме к Батюшкову: «Я умею писать только по востановленным, и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно лично типично».

Записные книжки Чехова, как на фильтре, оставляют это важное и типичное и являются замечательным чтением. Писатель, разное по своему таланту и характеру, по-разному отраженные в своих предвзятых записках. И далеко не у всех представляют интерес первоначальные наброски их произведений, мелкие записки, дневники и заметки. Это зависит и от значительности записанного и от умения с предельной сжатостью закрепить содержание целых сцен и даже целых произведений.

Записные книжки Павленко («Знамя», №№ 6 и 7) читаются с большим интересом, потому что они очень богаты красочным литературным содержанием. Сам автор так говорит в одной из записок о своих привычках: «Прежде, чем вложить в себя большую работу, я накапливаю строгий материал — факты, поступки, меткие слова, наброски природы, детали для портретов, мысли. Пока мои действующие лица не начнут действовать в заданной им обстановке, я оброчиваюсь своим заготовленным материалом».

Это накопление чрезвычайно разнообразно в записных книжках автора («Счастье», от афористической строки — «Возражение — это преобразование опыта» до целого славянского повествования, где, как сон, рассказана с детства жизнь африканского негра, завербованного впоследствии американцами для войны в Корее, ставшего пиваилом и вернувшегося спустя много времени на родину в тележке, без ног).

В его записных книжках часто попадаются целые, почти законченные сцены, остроты, наблюдения, яркие пейзажи, раздумья, характерные выражения, афоризмы, анекдоты. Вот некоторые из них:

«Если писатель — инженер души, то его книга — выкройка, проент, расчет ноздрей души, которой время выливается. И если книга никого не создала по своему образу и подобию, то она ничто».

Новый край надо изучать с глазу на глаз.
Запахает только тот, кто сам горит.
Хороший поэт тот, кто вызывает у нас много желаний.

Большая душа, как большой костер, издавна видна.
Прочтешь книгу и понять ее, как нулево, — значит, стать на уровень автора.

Можно ли пересказать песню? Нет. Песня — то, что не пересказывается, а только поется.
Ее и смысл-то в том, что она не может быть ничем иным, кроме самой себя.

Тот, кто не может влюбиться в один из тысяч рассветов, запомнить одно из тысячи деревьев, унести в сердце одну из тысяч улыбок, — тому трудно писать.

Писателю необходимо быть умным, но еще необходимее быть сердечным.
Красота — то, что радует. В этом смысле нет большой разницы между снижением цен и заклатом над морем.
Любить свой народ — это мужественно и целеустремленно привносить ему качества, которых не хватает характеру нации для того, чтобы быть лучшим в мире.

Маленькая тема. Что такое маленькая тема? Это небольшой городок, в котором может родиться гений.

Когда я начинаю новую вещь, рассказ, повесть или роман, я вкладываю в дело всю энергию, все накопленное, будто это последнее, что мне придется написать.

Проблема, интересующая пятьдесят — сто тысяч человек, еще не созрела для искусства. Только то, что мучает и волнует миллионы, — повод для написания произведения.

Видно, что для Павленко записные книжки были очень важным предшествующим новым, созданным им произведением. Годы накапливались наблюдения, и этот постоянный, упорный, зоркий труд литератора, вечно ищущего, вечно любознательного, жаждущего как можно глубже заглянуть в виденное и нужное для него, оправдывал его же собственную запись: «К славе ведет один путь: труд. Кто хочет попасть к ней другим путем, тот контрабандист».

По записным книжкам Павленко можно видеть, как, не обладая рук, накапливает он свой «строительный материал». Вы находите знакомые куски, которые потом вошли в известные вам романы и повести, но вы также находите много того, что еще существует само по себе, еще никогда не вошло, еще ждет соединения с другими текстами, еще не стало самостоятельной частью нового произведения. И эти рассматриваемые, эти отдельные строки, запечатлевшие мгновенное наблюдение, эти записки только что виденного и пережитого живо ощущаются нами, вошедшими в лабораторию писателя, потому что все это талантливо, остро и своеобразно. Он не писал записных книжек для читателя. Это не стилизация, это метод отбора, эта система переработки виденного, это микровозрождение, боевое и наступательное:

«Все пути ведут к коммунизму. Это так. Все профессии, все жизненные дороги. Все. Все».

В записных книжках Павленко много жизни и света, много обещаний, предчувствия новых, сильных, хорошо задуманных произведений, которые не успел написать из-за работы художника.

И о чем только не говорят эти маленькие странички книжечек, помешавшихся в кармане, — о больших и малых героях современности, о самых разных странах Запада и Востока, об искусстве, о киноискусстве, о художниках, о писателях, о критиках, о трагедиях, о жизни Советского Союза, о Ватикане, о Китае.

Для молодого прозаика эти записные книжки являются очень поучительным примером. Они подтверждают и еще одну мысль Павленко: «Писатель — это огромное сердце. Спокойные люди редко становятся писателями».

Николай ТИХОНОВ

Сушество дела

Новое свое произведение, опубликованное в девятом номере «Знамени», Галина Николаева озаглавила длинно и сухоточно: «Повесть о директоре МТС и главном агрономе». И если коротко переписать содержание повести, то так и получится: это рассказ о деятельности директора Алексея Чаликова и только что назначенной главным агрономом выпускницы сельскохозяйственного института Нести Ковшовой, о том, как Журавинская МТС вышла на первое место, далеко обогнав своих соседей, и о том, как инициатива передовых людей нашла подтверждение, получила новое значение и смысл в решениях сентябрьского Пленума, вдохновившего людей на новые большие дела...

Эти факты могли бы стать темой статьи, передающей опыт внедрения новых методов сельского хозяйства. Они могли бы обрести цифровые данные, показателями достигнутых успехов. Но они воплотились в повесть — в произведение, написанное рукой художника, тонко чувствующего слово, чутко улавливающего душевные движения, зорко выдвигающего мельчайшие черты человеческих характеров, понявшего, каким болящим, но только экономическим, но и человеческим делом обогатил нашу страну мудрые решения партии.

На одной из последних страниц писательница говорит о своих думах:

«Директор МТС» и «главный агроном МТС» — наименование должностей или название труда сложного и вдохновенного? Определение служебных функций и взаимосвязей или слова, вжившиеся в себя богатство человеческих отношений, неизбежных в таком труде? Севообороты, агрегаты, кондиции или то, что стоит за ними, — человеческие характеры, страсти, судьбы?»

Галина Николаева избрала характеры, страсти и судьбы, но она не отделила их от того труда, в котором эти характеры проявляются и формируются, в котором страсти кипят и сталкиваются, в котором судьбы людей обретают смысл и цель. Вот почему в повести одинаково необходимы и споры о ремонте сеялок и тракторов, и разговоры о севооборотах, и жардожающиеся любовь, и дружба, и вражда... Все это волнует, потому что все это осмыслено, как дело, нужное людям и составляющее содержание их жизни.

Галина Николаева пишет:
«Я думала об этом, но постепенно все мысли и образы вытекли одна мысль и один образ — Настя...»

Пусть у этого рассказа будет точный адрес! Юноши и девушки, идущие новыми дорогами, он адресован вам!»

Это не совсем верно. Если образ Нести действительно занимает центральное место в повести, то нельзя согласиться, что он вытеснил других героев. И мысль о молодых силах, целиком отдающихся борьбе за торжество нового, отнюдь не заслонила других важных мыслей: о том, что забота о человеке делает труд осознанным и целеустремленным, что критика помогает росту человека и обогащает его, что в испытаниях складывается подлинная близость между людьми сильными и честными и разрушается внешнее «приятельство» людей мелких и самокритичных.

Повесть адресована не только работающим на селе: она говорит о стиле человеческого поведения и человеческих отношениях, а этот стиль характерен для социалистического общества в целом.

После первого эпизода, показывающего неудачное выступление молодого директора на совещании в Кремле и его знакомство с автором повести, рассказ ведется от имени Алексея Чаликова, почти не прерываясь. Лишь в двух-трех местах писательница напоминает нам о том, что все это — признания дорожного слушника в вагоне поезда дальнего следования.

И вот из этой своеобразной исповеди вырастает живой и убедительный образ совсем молодого директора МТС. Он входит в привычную колею средней, ничем не применительной повседневности: МТС нет «сухо в ухо» с другими, никого не опережая и ни от кого не отставая. Планы, списанные из района, выполняются не блестяще, но в срок, машины работают неважно, но не хуже, чем у соседей, урожай хоть и не высокий, но не ниже, чем в других колхозах. Впрочем, о колхозах пока речи нет. Алексей Чаликов еще и не знает их: он хозяйничает на своей МТС, где ему доверяют местные старожилы — партгор Федя, главный инженер Аркадий Фаранов и старый агроном-практик Игнат Игнатович. С ними он советуется, к ним и в гости ходит, с ними ездит на охоту или на стацию, где к приходу дальнего, московского поезда радует пускать любимую свою пластинку «Средь шумного бала»...

Речь о колхозах пойдет позже, когда приедет в МТС новый главный агроном — Настя, совсем еще девочка, в синих джинсах и шапке, где к приходу дальнего, московского поезда радует пускать любимую свою пластинку «Средь шумного бала»... Речь о колхозах пойдет позже, когда приедет в МТС новый главный агроном — Настя, совсем еще девочка, в синих джинсах и шапке, где к приходу дальнего, московского поезда радует пускать любимую свою пластинку «Средь шумного бала»... Речь о колхозах пойдет позже, когда приедет в МТС новый главный агроном — Настя, совсем еще девочка, в синих джинсах и шапке, где к приходу дальнего, московского поезда радует пускать любимую свою пластинку «Средь шумного бала»...

Образ Нести нарисован с любовной прощупанностью. И нежность, которая в устах автора могла бы прозвучать сентиментально, в устах рассказчицы приобретает иной оттенок: ведь очень скоро нам становится ясным, что, рассказывая о прежней своей вражде с несговорчивой «агрономшей», Алексей Чаликов почти не скрывает своей любви к ней — любви светлой, тревожной, еще не подкрепленной ни взаимностью, ни даже слабой надеждой. Эта лирическая интонация своеобразно окрашивает повествование, придавая ему особую поэтичность и выделываясь. Впрочем, перед нами проходит сложная гамма разнообразных чувств: и разочарование при виде приехавшей «самолетной агрономки» (в то время как в соседней МТС агрономом такая девушка, «что и в кино ходить не надо»), и раздражение, когда Настя предъявляет своим тихим голосом совсем различные требования; и злость, когда она мешает привычной работе и подрывает привычную славу МТС своей упорной критикой; и удивление ее бесстрашием, умением подлизать людей, давить с ними и опираться на их поддержку; и стыд, когда становится ясной ее правота; и радость, когда, казалось, уже достигнут мир и возможна дружба...

Вера своим творческим принципам на протяжении всего романа, Чувковский изменяет им лишь однажды — в главе, носящей название «Остров Сухо».

Речь идет о маленьком островке острове. Поблизости от него проходила знаменитая «дорога жизни». Гитлеровцы попытались овладеть островом, чтобы тем самым прервать последнюю коммуникацию, соединявшую Ленинград со страной.

Автор «Балтийского неба» посвятил рассказу за остров Сухо специальную главу, полагая беспримерную отвагу запитчиков Сухо. Но, увы, глава «Остров Сухо» решительно выпадает из романа «Балтийское небо». В ней появляются люди, которые не признали и не будут признавать никакого участия в романе. Да и написана она так, что ее содержание целиком определяется изложением в ней боевым эпизодом. Только боевой эпизод — и ничего более.

Между тем пафос романа «Балтийское небо» состоит, как уже отмечалось выше, в пристальном интересе к духовной жизни советского человека, сплотив обстоятельства вынужденного надеть военную форму. Главным героем романа, конечно, не случайно избран именно гражданский летчик, зрелый человек, прошедший хорошую советскую школу.

Автор внимательно присматривается к своему главному герою и к окружающему его молодому войску. Вывод, который он делает, можно было бы сформулировать примерно так: поведение советского человека на войне целиком определяется требованиями социалистического общества, вошедшими в его плоть и кровь за десятилетия мирного труда.

Примечательно, что среди героев «Балтийского неба» нет плохих людей.

Даже военного врача Громеко — самого личного человека в полку, с нимок носящего летный комбинезон и с головой до ног украшенного «какими-то значками в виде себояриных крылышек, корабельков, пушечек», — даже Громеко с его явно напускным цинизмом никак нельзя считать плохим человеком.

Ему просто-напросто не хватает хорошей женской школы, которую уже прошли многие его товарищи. Эту школу он и получает на наших глазах в острейших столкновениях с летчицами Серовым и Кузнецовым, в суровых испытаниях и трудностях войны.

Недаром Лунин во второй половине романа с интересом присматривается к Громеко и никак не может понять, «то ли доктор круто изменился, то ли сам он раздвинул в нем то, чего прежде не видел».

ба с Настей; и тревога за ее отношение к себе... А за всеми этими чувствами — большая, все усиливающаяся любовь.

Образы Алексея и Нести — большая удача писательницы. И удача, неразрывно связанная с тем, что и Алексей и Настя даны в острой борьбе, во всем богатстве их помыслов и дел.

Именно в делах проявляются и образы других — второстепенных, но тем не менее значительных — персонажей повести.

Так, например, секретарь обкома Соколов, появившись на нескольких страницах, уже очерчен, как живой характер: достаточно увидеть, как он, непреклонный в требовании выполнять директивы, сумел взглянуть в Настю, в последний момент уловил ее правоту и, вернувшись уже от машины, решил пересмотреть планы.

Так партгор Федя, нарисованный белыми, разбросанными штрихами, становится ясным по нескольким его репликам. Так лет Сидантин, играющий явно служебную роль в повести, наделен и хитринкой, и веселостью, и кровной заинтересованностью в колхозных делах и приобретает хотя и неразвернутый, но определенный характер.

Наконец, Аркадий Фаранов, так хорошо выначенный помошником Алексею, так упорно противоборствующий настоящим новшествам, так возмущающийся ее, до конца раскрывается в своих делах, в своем отношении к делу. Авторское осуждение непереносимо и становится читательским приговором, когда мы видим, как он присваивает чужую славу, как готов очернить Настю, как добивается поездки в Москву.

Аркадий противостоит не только Насте, Алексею и Феде, но только людям, с которыми он сталкивается в повести. Он чужд нашему строю, стилю нашей жизни.

О нем в разговоре с Алексеем говорит Федя: «Все мы слуги Советского Союза... слуги народа. А он у советского народа подрачник...»

Эту мысль Галина Николаева подчеркивает, подкалывая, даже слитком подчеркивает, несколько раз повторяя — сначала в беседе своих персонажей, потом в своем авторском раздумьи. Думается, что в таком упорном и многословном подчеркивании нет нужды, ибо эта мысль прекрасно выражена в самом развитии сюжета и образам.

Действие повести разворачивается до сентябрьского Пленума ЦК. Лишь в самом конце, когда МТС уже явственно ощущает результаты настоящего новаторства, приходит известие о Пленуме. И вот тут оказывается, что «читается газета и видны: на! Про нашу, про Журавинскую МТС!.. Только там, где мы петляли тропками, — продолжение дороги, где мы думали загадками да отрывками, разрешилась целая система!»

И тогда становится ясным, что настоящие дела потому и сложились с мудрыми решениями партии, что у могучей партии коммунистов и у маленькой комсомольско-агрономской одна общая цель — благо народа...

На совещании в Кремле Алексей Чаликов не сумел ответить на вопрос, в чем существо дела, в чем истоки побед, одержанных Журавинской МТС.

Галина Николаева ответила на этот вопрос, воплотив в убедительные образы свою главную мысль: в глубокой связи с народом, в преданном служении интересам народа, в бесстрашием, активном стремлении к новому — залог всех наших успехов, существо нашего всенародного дела.

Т. ТРИФОНОВА

Л. ЛЕВИН Наши люди в годы войны

1. Произведения, посвященные Великой Отечественной войне, за последнее время появились в нашей литературе сравнительно редко.

Существовала и продолжает существовать, пусть и невысказанная прямо, точка зрения, согласно которой тема Отечественной войны — при всем ее воспитательном значении — все-таки принадлежит уже вчерашнему дню, и произведения, посвященные этой теме, должны уступить свое место на страницах журналов, на подмостках театров, на экранах кино произведений на «современные темы».

Но можно ли отдавать тему Отечественной войны вчерашнему дню и считать, что она хоть в какой-нибудь степени потеряла свое острое, боевое, сугубо сегодняшнее значение?

Роман Николая Чувковского «Балтийское небо», только что законченный печатанием в журнале «Знамя» (№№ 6, 7, 8 и 9 за 1954 г.), показывает, какие поистине неисчерпаемые идейно-творческие возможности таит в себе благородная и благодарная тема Отечественной войны.

Действие «Балтийского неба» разворачивается в двух планах. Один план — героическая борьба морских летчиков на подступах Ленинграда. Другой план — жестокий, трагический быт осажденного города.

Сердцем романа и — сразу сразу — главной удачей писателя является рассказанный им история рассохинской эскадрильи.

Известный гражданский летчик Лунин — молодой человек и опытный пилот — в первые месяцы войны вступает в ряды морской авиации. Он попадает в эскадрилью, которой командует капитан Рассохин. В тяжелых воздушных боях начала войны один за другим гибнут его боевые товарищи: Байсютев, Челпанов, Кабанков. Рассохин (автору удалось наделить каждого из этих людей живыми чертами). После того как получает тяжелое ранение и выходит из строя летчик Серов, Лунин остается единственным хранителем боевых традиций рассохинской эскадрильи.

Вскоре под началом к Лунину приходит группа молодых летчиков — Татаренко, Рыбушкин, Бостин, Отросабдин, Лазаревич и другие. Узнав боевую историю эскадрильи, они называют себя рассохинцами.

«...Мертвые продолжают жить в своих частях, — говорит комиссар дивизии Уваров, — продолжают учить и вести живых».

О романе Николая Чувковского «Балтийское небо»

Эта поэтическая тема занимает большое место в «Балтийском небе». В значительной мере благодаря ей автор добился той глубокой серьезности, с которой изображает в романе боевую борьбу, соединяющая в одну семью таких разных людей, как комиссар дивизии Уваров и военный врач Громеко, командир полка Прокруряков и оперативный дежурный Тарараксин, майор Лунин и сержант Татаренко, командир эскадрильи Рассохин и офицантка командирской столовой эстонская девушка Хильда.

Описывая боевые действия рассохинской эскадрильи, автор изображает многочисленные воздушные бои. Не оказались ли они серией боевых эпизодов, лишенных глубокого внутреннего содержания?

Нет, не оказались.

Пафос «Балтийского неба» состоит не в том, чтобы рассказать читателю более или менее красочные боевые эпизоды, а в том, чтобы показать внутренний, моральный, духовный рост советского человека на войне, рост его мировоззрения, его характера, его боевого мастерства.

На войне, говорит автор «Балтийского неба», советский человек выверял и задал самые важные черты своего характера, давшие ему «то не поддающееся подсчету и измерению свойство, которое часто называют моральным преимуществом над противником». Из сотни тысяч и миллионов этих, если так можно выразиться, индивидуальных преимуществ и сложилось то великое морально-политическое превосходство нашей армии над армией Гитлера, которое принесло нам победу в Отечественной войне.

Чувковский убедительно раскрывает, в чем именно состояло моральное преимущество советских летчиков над фашистскими.

Рассохинцев, как и всех советских летчиков, вдохновляет на борьбу с врагом твердая и непоколебимая вера в правоту того дела, за которое они сражаются. Эта вера порождает в них такие моральные качества, которых нет и не может быть у самых прославленных фашистских асов.

Встречаюсь с рассохинцами в бою, фашисты сталкиваются с таким презрением к смерти, с такой волей к победе, перед которыми они неизбежно вынуждены отступать.

В этом и сказывается моральное преимущество советских людей, зачислявших завоевания своей Родины, над фашистскими наемниками.

2. Воздушные бои по существу в романе сами по себе. Описание боя теснейшим образом переплетается с изображением человеческого характера, помогает автору раскрыть перемены, происшедшие либо в психологии действующего лица, либо в ходе боя, войны в целом.

Вот первый бой, в котором принимает участие Лунин.

Командир эскадрильи капитан Рассохин приказывает: «С «мессершмитам» не связывайтесь! За отдельными «юнкерами» не гоняйтесь! Главное — не дать им бомбить город!»

Но в бою Лунин овладевает охотничьим азартом, и он пускается в погоню за «юнкерсом».

Вернувшись на аэродром и подвергнувшись вежливому разгору со стороны Рассохина, Лунин с удивлением думает о том, что бой, представляющийся ему «сплошной сумятицей», кажется его молодым товарищам «чем-то странным, подлинным, единому плану, расчлененным на отдельные звенья, именованым началом и концом».

В следующем бою Лунин впервые сбивает вражеский самолет. «...Прежде чем уйти, — подчеркивает автор, — он стал круг над упавшим самолетом. Это было совсем лишнее, и впоследствии он никогда так не поступал».

Наконец наступает день, когда Лунин с удовлетворением отмечает, что «воздушные бои уже не кажутся ему больше «беспорядочным метанием среди сдвигающихся летучих пулеметных струй». Теперь он, как и другие, может снова бой раскладывать по порядку, и по порядку все, что происходит в бою, обречено действию каждого».

Так приходит к Лунину боевая зрелость, так его мужество обречается боевым мастерством, так закаляется характер опытного и отважного воздушного бойца.

В романе о войне боевые звенья несут с собой ту же опасность, что и технические описания в романе о заводе. Злоупотребляя теми и другими, писатель рискует потерять главное — человека во всем многообразии его внутренней, духовной жизни.

В романе о войне боевые звенья несут с собой ту же опасность, что и технические описания в романе о заводе. Злоупотребляя теми и другими, писатель рискует потерять главное — человека во всем многообразии его внутренней, духовной жизни.

В романе о войне боевые звенья несут с собой ту же опасность, что и технические описания в романе о заводе. Злоупотребляя теми и другими, писатель рискует потерять главное — человека во всем многообразии его внутренней, духовной жизни.

В романе о войне боевые звенья несут с собой ту же опасность, что и технические описания в романе о заводе. Злоупотребляя теми и другими, писатель рискует потерять главное — человека во всем многообразии его внутренней, духовной жизни.

В романе о войне боевые звенья несут с собой ту же опасность, что и технические описания в романе о заводе. Злоупотребляя теми и другими, писатель рискует потерять главное — человека во всем многообразии его внутренней, духовной жизни.

может, а разубить не может». Собеседник соглашается: «Есть такие люди».

Скромный разговор по частному поводу приобретает широкий обобщающий смысл.

Да, «Балтийское небо» — это роман о людях, которые, подобно одам, не могут разбиться: роман о верности, преданности, постоянстве.

Именно эти благородные черты своего характера и продемонстрировал перед всем миром советский человек на войне.

3. В романе «Балтийское небо» рассказывается, однако, не только о боевых действиях морских летчиков на подступах Ленинграда, но и о самом осажденном городе.

Автор создает зримый, осязаемый, полный человеческого тепла образ того, что защищает героические рассохинцы, во имя чего они борются и жертвуют собой.

Описывая осажденный город, писатель обнаруживает и несомненное знание темы, и первое чувство правды, и тонкую наблюдательность. Многие в «ленинградских» главах трогает нас, удивляет, волнует. И все-таки мы не можем отделиться от ощущения, что в плоть, подлинно реалистическую ткань романа неожиданно начинают проникать элементы той несколько облегченной повествовательной манеры, которую принято называть беллетристической.

Сюжетный узел «ленинградских» глав завязывается вокруг семьи старого профессора Медникова, чей образ, кстати, замкнут автором из его же собственной малой повести «Синий суп». Девушка-подрубка Соня и маленький Слава, чья судьба суджено тесно переплетается с судьбой рассохинской эскадрильи, наивные живыми красками, а вот старый профессор Медников с его горделиво загнутой вверх маленькой пугливой головкой, наивным взглядом и традиционным пролицианным голосом описан в условно-литературной манере.

В беллетристике все случается так, а не иначе не потому, что так бывает в жизни, а потому, что так угодно автору. Лунин совершает вынужденную поездку на картофельном поле под Ленинградом в тот самый момент, когда Слава врет здесь картошку... А через некоторое время тот же Лунин случайно встречается с Марьей Сергеевной. А еще через некоторое время опять сталкивается со Славой.

Речь заходит о его личной жизни, о том, что он некогда был женат, но развелся. «Развелись, наверно», — предполагает один из собеседников. «Ну уж нет, не развелись», — возражает комиссар дивизии Уваров. — Он такой человек, что подобно

«Балтийское небо» — это роман о людях, которые, подобно одам, не могут разбиться: роман о верности, преданности, постоянстве.

Именно эти благородные черты своего характера и продемонстрировал перед всем миром советский человек на войне.

3. В романе «Балтийское небо» рассказывается, однако, не только о боевых действиях морских летчиков на подступах Ленинграда, но и о самом осажденном городе.

Автор создает зримый, осязаемый, полный человеческого тепла образ того, что защищает героические рассохинцы, во имя чего они борются и жертвуют собой.

Описывая осажденный город, писатель обнаруживает и несомненное знание темы, и первое чувство правды, и тонкую наблюдательность. Многие в «ленинградских» главах трогает нас, удивляет, волнует. И все-таки мы не можем отделиться от ощущения, что в плоть, подлинно реалистическую ткань романа неожиданно начинают проникать элементы той несколько облегченной повествовательной манеры, которую принято называть беллетристической.

Сюжетный узел «ленинградских» глав завязывается вокруг семьи старого профессора Медникова, чей образ, кстати, замкнут автором из его же собственной малой повести «Синий суп». Девушка-подрубка Соня и маленький Слава, чья судьба суджено тесно переплетается с судьбой рассохинской эскадрильи, наивные живыми красками, а вот старый профессор Медников с его горделиво загнутой вверх маленькой пугливой головкой, наивным взглядом и традиционным пролицианным голосом описан в условно-литературной манере.

В беллетристике все случается так, а не иначе не потому, что так бывает в жизни, а потому, что так угодно автору. Лунин совершает вынужденную поездку на картофельном поле под Ленинградом в тот самый момент, когда Слава врет здесь картошку... А через некоторое время тот же Лунин случайно встречается с Марьей Сергеевной. А еще через некоторое время опять сталкивается со Славой.

Речь заходит о его личной жизни, о том, что он некогда был женат, но развелся. «Развелись, наверно», — предполагает один из собеседников. «Ну уж нет, не развелись», — возражает комиссар дивизии Уваров. — Он такой человек, что подобно

«Балтийское небо» — это роман о людях, которые, подобно одам, не могут разбиться: роман о верности, преданности, постоянстве.

Именно эти благородные черты своего характера и продемонстрировал перед всем миром советский человек на войне.

3. В романе «Балтийское небо» рассказывается, однако, не только о боевых действиях морских летчиков на подступах Ленинграда, но и о самом осажденном городе.

ПЕКИН, ЗАЛ ХУАЙЖЭНТАН...

Восточный проспект вечного спокойствия — самый широкий, самый красивый и оживленный проспект столицы Китая. Все события в городе и стране он немедленно отражает, как самый чуткий нерв. Сегодня, когда мы вышли на его бульвар, то увидели огромные клубы бархатистых бесмертников. Вчера их здесь не было. У парадных ворот Чжуннаньхуа — резиденция Центрального народного правительства Китайской Народной Республики — поднят государственный флаг.

Потом и на других улицах увидели мы государственные флаги над зданиями министерств. Все это говорило, что сегодня в Пекине необычный день. Газеты сообщали: в три часа дня в зале Хуайжэнтан открылась Первая сессия Всекитайского собрания народных представителей.

Мы входим в зал... Перед нами встают десятки круглых деревянных столов, покрытых ярким красным лаком, широкие капители, украшенные китайским орнаментом.

Хуайжэнтан... В этом прекрасном зале пять лет тому назад состоялась первая сессия Народного политического консультативного совета, на которой была принята общая программа. Здесь же в октябре 1952 года работал Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана.

И вот сегодня... Ровно в три часа дня зал, заполненный посланцами шестисотмиллионного народа, притих в ожидании. За столом президиума еще никого не было, но зал вдруг загремел аплодисментами. Депутаты и гости встали со своих мест. В президиуме появились Мао Цзэ-дун.

Рядом с Мао Цзэ-дуном встали за стол президиума Чжоу Дэ-лю, Лю Шао-ци; Сун Цзин-ли, Ли Цзи-шань; Чжан Лань, Чжоу Энь-лай, Линь Бо-вэй и Дун Би-у. Они смотрели в зал и аплодировали депутатам. Один из депутатов сказал мне во время перерыва:

— Я вспомнил в это мгновение 1927 год, когда Мао Цзэ-дун создал на стыке провинций Хунань и Цзянси первое рабоче-крестьянское правительство.

Про это вспомнили, очевидно, и другие депутаты. Борьба стоила многих жертв. Но Китайскую коммунистическую партию и китайский революционный народ, как отмечал Мао Цзэ-дун в апреле 1945 года, «не удалось ни загнать, ни покорить, ни истребить. Они поднялись с земли и смыли с себя кровь, похорошили погибших товарищей и снова продолжали борьбу...»

Мао Цзэ-дун стоит на трибуне первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 15 сентября 1954 года и говорит своим спокойным голосом. Он говорит об огромном историческом значении сессии.

«Наша главная задача заключается в том, чтобы объединить народ всей страны, добиться поддержки всех наших друзей во всех странах, бороться за построение великого социалистического государства и активно защищать мир между народами и способствовать делу прогресса человечества».

Я смотрю в зал и вижу, как аплодирует самый старший депутат — 94-летний художник Ци Бай-ши. Рядом с Ци Бай-ши стоит молодая крестьянка Шень Ци-лань, которая заявила сегодня в беседе с сотрудником «Гуанминжибао»: «Я обязуюсь быть хорошим народным представителем всем сердцем, всеми делами».

Мао Цзэ-дун, словно отвечая Ци Бай-ши и Шень Ци-лань, всем депутатам в зале, говорит: «Мы делаем великое и славное дело, за которое никогда не брались наши предки».

Дела эти записаны в проекте Конституции Китайской Народной Республики. К рассмотрению этого проекта приступила сессия.

С. КОЖЕВНИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ПЕКИН, 15 сентября. (По телеграфу)

ТВОРИТЬ ДЛЯ НАРОДА!

Цао Мин,
китайская писательница

На собрании народных представителей провинции Сычуань, состоявшемся в городе Чэнду. На этом собрании депутатами во Всекитайское собрание народных представителей были избраны Чжу Дэ и еще 87 человек.

Сегодня, когда взволнованные взоры миллионов моих соотечественников обращены к родной столице, к залу, где заседает Всекитайское собрание народных представителей, передо мной снова и снова встает памятник июню нынешнего года. В день опубликования в газетах проекта Конституции Китайской Народной Республики, 15 июня, мне пришлось быть среди рабочих Аншаньского металлургического комбината. Я наблюдала, какое огромное впечатление произвело на них это событие. Я видела, как откликнулся труд сталеваара Бао Сюй-ляна в обеденный перерыв, не открываясь, читал проект — статью за статьей.

А вечером после работы сталеваары попросили меня рассказать об этом величайшем историческом документе. Слушали они с огромным вниманием. В их взволнованных глазах и читала, что мастера нарки стали видеть в проекте отражение великих перемены в своей жизни. С горечью вспоминали рабочие горькое прошлое, с гордостью рассказывали о настоящем. Они говорили о социализме, пути к которому открывает Конституция, вносили предложения по улучшению сталеваарения, по усилению индустриализации страны.

Работное настроение рабочих отвечало и моим чувствам. Их воспоминания о прошлом нагоняли и мне прошлую жизнь китайских писателей. И прежде реакционные правители ненавидели любимых народом деятелей искусства, литературы. Они яростно травлили и преследовали нашего великого революционера, писателя Лу Синя. Травля и смерть ожидали каждого, кто был с народом. Они убивали прогрессивных писателей Цюй Цю-ю, Ин Фу, Ху Э-нина, Вань И-до.

Пути хорошей книге к народу всечасно претерпевала. Я помню, как Лига левых писателей в Шанхае организовывала беседы писателей с рабочими ткацких фабрик и типографий. Она вынуждена была делать это тайно, со множеством предосторожностей.

Победа революции в корне изменила жизнь народа и его писателей. Председатель Мао научил нас быть в центре народной борьбы. Правительство содействует укреплению наших связей с народом.

В новом Китае писать о народе, писать для народа стало самым высоким, самым почетным делом. Писатели, отображающие в своих произведениях жизнь и борьбу народа (боюсь только, что художественный уровень наших произведений пока еще недостаточно высок), повсюду обрели почет и уважение.

Совз писателей в Мукдене часто получают приглашения от заводов, школ, вузов с просьбой, чтобы тот или иной писатель сделал доклад о литературе или прочитал новое произведение. Всегда многолюдно на беседах, проводимых писателями. На такие беседы приезжают люди даже из окрестных городов. Вечерние курсы по изучению литературы в Мукдене были расписаны на 40 слушателей, а на вступительные экзамены пришло 300 человек.

В 1952 году я вместе с комиссией по расследованию фактов вения США бактериологической войны прибыла в Фушунь. Когда встречающиеся наш поезд школьники узнали, что среди членов комиссии находится брат Лу Синя — Чжоу Цзянь-лени, они, обрадованные, бросились к товарищу Чжоу, чтобы выразить свое глубокое уважение к памяти великого писателя.

Чрезвычайно популярной стала литература среди рабочих. Я знаю, например, молодого сталеваара Ма Чжан-цина. Он всегда имеет при себе книгу. Как только закончит свою смену, сразу же принимается за чтение. В старом Китае таких фактов не было.

Особой любовью пользуются книги советских писателей. Среди анышаньских кадровиков едва ли встретишь человека, не читавшего «Далеко от Москвы» или «Сталь и пламя». Анышаньцы верят, что и в Китае будут вскоре написаны такие же произведения о людях отечественной индустрии.

И очень редко бываю в деревне и плохо знаю крестьянскую жизнь. И вот однажды я встретила в книжном магазине крестьянина, который купил роман Чжоу Ли-бо «Ураган». Он показал книгу своему спутнику, а тот, покачивая головой, сказал:

— Ты же неграмотный. — Зато у меня сын грамотный, — возразил крестьянин. — Прочтет книгу и мне перескажет.

Как не писать для такого народа! И как не радоваться вместе с ним рождению новой, истинно народной Конституции, открывающей нашей родине путь к счастью.

ПЕКИН, 15 сентября.
(По телеграфу).

Снимок из китайской газеты «Гуанминжибао»

Крестьяне уезда Шаюсянь (Китай) с интересом наблюдают за работой появившихся на их полях тракторов.

Снимок из журнала «Народный Китай»

Снимок из журнала «Народный Китай»

Снимок из журнала «Народный Китай»

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

1.

В Париже наступила осень. Стало прохладно по утрам, желтеет Булонский лес, этот зеленый оазис Парижа. Оплают листья с деревьев бесконечных бульваров; раздавленные ногами пешеходов и колесами автомашин, они пахнут по-особому: приятно и чуть горько, — незабываемый запах осени.

Ослепительно белая церковь Сакра Кар, венчающая Монмартр, чуть посередела под сумрачным осенним небом. Точно заброшенная металлическая конструкция какой-то гигантской, но так и недостроенной новостройки, сиротливо торчит на фоне парижского неба Эйфелева башня. Она похожа на скелет без мяса, голая и одинокая.

Раньше, чем прежде, стали уходить в вечерний сумрак хищры Нотр-Дам, некогда воспетые Гюго. Раньше, чем прежде, всхликивают теперь истерически огни плав Нигаль, уже не с олимпиады, а с десяти зовут они в кабаре и мюзик-холлы, и к этому времени в автобусах и поездах метро, следующие на Монмартр, чаще услышишь английский, чем французский, речь.

Парижане надели шляпы. — Летом в них почти не ходят, и вооружились зонтиками — мужчины и женщины.

Все чаще моросит дождик. Сквозь его плену многочисленные, симметрично расставленные фонари плав де ла Конкорд кажутся огромными светляками, меланхолически в тумане, и статуи, аллегорически изображающие французские города, уже почти неразличимы.

Недавно поздним вечером я бродил по городу. Пронел по бульвару Сен-Мишель, который обитатели Латинского квартала сохронно называют «Бульваром», долго стоял у Пантеона, увенчанного огромным, дедающим его похожим на обсерваторию, куполом, пока не погас в верхних его окнах синий декоративный свет и все погрузилось во тьму, обогрел старинную церковь...

Было тихо и пустынно. Темным и всеми покинутым выглядело здание Сорбонны, огромное, занявшее весь четырехугольный квартал, и казалось, что за века своего существования оно просло не только в землю, но и в воздух, в небо Парижа. Пустынным казалось и светлое, исполосованное третиными здание — отель «Великих людей», обычное обиталище студентов, жить в котором стоит только, учитывая его название. В отделе холодно и сыро зимой, нет воды в номерах, зато относительно дешево — качество, немаловажное и редкое для парижских гостиниц.

Сказал наш Латинский квартал еще тихий, — сказал мне мой спутник, парижанин, — студенты еще не съехались после летних каникул... Поглядели бы вы, что делается здесь зимой или весной, когда съедутся парижские студенты... А сейчас тихо. И вообще сейчас еще относительно тихо в Париже. Совсем недавно было так жарко... Все, кто мог, разъехалось, кто к морю, кто в деревню...

Нет, я не был согласен с ним. Всего лишь третью неделю нахожусь я в Париже, но ни один из этих дней не казался мне «тихим».

В течение четырех дней кипело Национальное собрание. После того, как патриоты Франции устроили для ЕОС похороны «по первому разряду», газеты обрушили на Париж сообщения о новых происках Запада. За океанские бизнесмены хотели все-таки заставить смириться гордую и строптивую Марианну, воскресить труп ЕОС, пригвожденный основным колом к земле французским народом.

Газеты, рассуждая о проекте нового совещания в Лондоне, гадали: сколько же стран примут в нем участие? Семь, восемь, девять, четырнадцать? Многие парижане, читая газеты, кривили губы в саркастической усмешке: разве дело в числе? Разве важно, сколько переключен будет иметь висилица, на которой хотят удивить независимость Франции, — две, три, четыре? Вполне достаточно и одной... Не лучше ли вместе

«АЛЬТЕРНАТИВНОЕ» РЕШЕНИЕ...

После провала планов создания «европейского оборонительного сообщества», отвергнутого народом Франции, американские порочители гитлеровцев выдвигают планы перевооружения Западной Германии вне рамки «европейской армии».

Вот и все его прегрешения. Как будто немного для страны, правящие круги которой без устали твердят о «защите демократии» и «свободе мысли»? Но предостаточно для бесеных псов реакции, существующих сейчас в Америке с цеппи.

Революционная печать стала травить Дона Холденбека весьма усердно, называя его то «девом», то «розовым» комментатором. Она обвиняла его в «презервной объективности» при оценке политического положения и усердно науськивала на него маккартистов. Некоторое время Дон Холденбек в одиночку пытался противостоять этой травле. Он оправдывался, как мог, публиковал разъяснения, изредка даже отбучал чех-то вроде удара на удар. Все это лишь подливало масло в огонь.

В то же время он не искал и по всему образу своих мыслей не мог искать оцеры и поддержки в прогрессивном лагере США, в стане подлинных борцов за мир и демократию. А против таких одиночек маккартистам легче всего применить тактику «желтого штурма». Дон Холденбек лишний раз доказал это своей трагической судьбой.

Главный редактор Б. ПЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

А. ЧАКОВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

сто того, чтобы считать переключины, по просту рубить виселицы?

Там, на Филиппинах, в Маниле, тоже было «совещание», на этот раз «восемью». А что принесло оно? Новый агрессивный пакт. Конечно, дело не в этих сакраментальных числах, а в том, для чего «совещаются» и кто «совещания» вдохновляет. Кстати, взрывы бомб, сброшенных как раз в дни манильского совещания чанкайпинско-американскими самолетами на мирные районы города и села, отозвались в сердцах парижан. Особенно тех, кто погтер в Индо-Китае отца, сына, брата. Они беспокоятся: какие «иротехнические» афффекты готовят организаторы новых сепаратных «совещаний» в Европе?

Каждый день они с надеждой разворачивают газеты сначала утренние, потом вечерние: может быть, кончится эта кабацетическая чехарда цифр? В пятницу на прошлой неделе в газетах появились краткие сообщения о заявлении Министрства иностранных дел СССР — новой попытке правительства Советского Союза внести ясность и успокоение в международную обстановку. «Орор» тут же забился в истерике. Она подняла крик о «кремлевской пропаганде».

Но когда перебираешь парижские впечатления, вспоминаются, конечно, не притачитая оплачиваемых кликуш из «американской партии». Мне вспоминается речь Эдуарда Эррио в Национальном собрании 30 августа, когда решалась судьба Франции.

Надо ли пояснять, насколько далеко от коммунизма старейший буржуазный политический деятель Франции. В этот день в зале находились и сторонники «американской партии» — непримиримые враги Эррио, его взглядов и убеждений. Однако так велики к нему симпатии тысяч французов, что перед лицом Франции врагам Эррио не оставалось ничего, как присоединиться к овации в его честь.

Опасность, угрожающая этой Франции со стороны тех, кто навязывает ЕОС, пытаясь лишиться ее суверенности, собственности, армии, кто хочет связать по рукам и ногам ее парламент, заставила Эррио указать своей стране на единственно правильный путь.

...Чуть скрипнула пиюитр Эррио, страдающий, как говорят, острым ревматизмом ноги, сделал попытку встать, чтобы пройти к трибуне. По знаку председателяствующего Э. Трокера служитель поспешил поставить перед Эррио микрофон, чтобы дать ему возможность говорить со своего депутатского места.

... Может ли страна, потерявшая контроль над собственной армией, вести соборную политику в международном плане и управлять своей дипломатией? — громко спросил Эррио, обращаясь к собранию. И, отвечая на свой вопрос, воскликнул: — История не знает подобного случая! Нет, он не является германофилом. Он не жаждет стереть слово «Германия» с карты Европы. Он стремится только к тому, чтобы эта Европа была мирной.

...Я вспоминаю, какая свистопляска началась на скамьях МРП при словах Эррио о России. Кто-то истерически взвизгнул: — Вы смотрите налево, в сторону Дюкло!

...Нет, — спокойно и с достоинством ответил старик, — я смотрю только вперед!..

И столько гордости и внутренней уверенности в своей правоте было в этом ответе, что крикуны смолкли, а через секунду грянули аплодисменты.

...Я желаю одного, — продолжал Эррио, — счастья моей родине. В конце концов, я не понимаю, почему не стремиться к согласию, к поддержке со стороны тех, кто нам уже помогал в трагический период... Европейское оборонительное сообщество означает конец Франции. На склоне лет моих, быть может, накануне ухода моего из мира живых, я обращаюсь к вам с призывом — не толкайте Францию на подобную авантюру.

Европе нужен мир, но мира не ищут на путях войны, необходимо исчерпать все возможности мирной организации Европы путем переговоров со всеми заинтересованными государствами.

...Так говорил Эдуард Эррио.

Нет, я не наблюдал в Париже «тишины» в эти дни. Жизнь Парижа — напряженная, бурная, сложная жизнь.

И чем больше беседую я с людьми, чем больше читаю газеты, чем дольше брожу по городу, чем внимательнее наблюдаю общественную жизнь, тем сильнее убеждаюсь в том, что во Франции, в сознании французского народа происходят важные и сложные процессы.

Они, эти процессы, не всегда на поверхности парижской жизни. Они не всегда сходятся в деталях в различных слоях народа — в политических партиях, в профсоюзах, в среде литераторов или художников, — и вместе с тем есть в этих процессах нечто общее.

Жизнь Франции идет далеко не «по прямой». Она осложнена резкими противоречиями, характерными для капиталистической страны, просящими жадных и жестоких людей, пытающихся из-за океана управлять судьбой народа, который имел государственную самостоятельность за долгие годы до того, как была открыта Америка, интригами некоторых французских политиков, но подданных его величества Уолл-стрита по существу, и тем не менее в жизни Франции есть нечто, заставляющее верить в реальность победы ее народа, отстаивающего свою независимость и право на мирное будущее.

Почему мне кажется это? Дни, проведенные мною в Париже, были богаты встречами. Мне довелось беседовать с рядом французских профсоюзных лидеров. Я виделся с некоторыми деятелями французской культуры: Франсуа Мориаком, членом академии, крупнейшим католическим писателем Франции, Арагоном и Триоле, чьи имена у нас не нуждаются в комментариях, с новым лауреатом Гонкурской премии писателем Гаскаром, с французским романистом Базеном, с известным во Франции художником Леже... Это люди разных традиций, разных политических убеждений, разной социальной принадлежности, разных творческих методов.

В наших беседах мы затрагивали политические и социальные проблемы, говорили о дружбе наших народов, с другими собеседниками обменивались мнениями об искусстве, о цели жизни художника, о его назначении. О встречах в Париже я постараюсь рассказать в следующих письмах.

ПАРИЖ, сентябрь

Американский агентльмен — Франция: — Если ты не хопшишь его в этом виде, то я вновь загую его в прежний мунир... Рисунок худ. Бека из французской газеты «Ви увриер»

Еще одна жертва Маккарти

Желтый штурок — в восточных легендах и сказках встречается этот выразительный образ тиранни. Если кто-либо казался неугодным всевышнему падишаху, он посылал ему желтый штурок. Получивший этот дар отлично знал, что надо сделать: он связывал петлю покрепче и... Остальное ясно без слов.

В современной Америке фашистствующий сенатор Маккарти и его многочисленные подручные очень непроч то же вести в обход «желтый штурок». Достаточно человеку, которого они окрестили «девом», получить приглашение в одну из комиссий по расследованию или увидеть номер газеты с обвинением в незлобности, — и все остальное должно быть ему ясно без слов.

Разумеется, сегодняшняя Америка — не средневековый Восток. Но тем не менее тактика «желтого штурма», иначе говоря, террористического запугивания и пытки страхом, здесь имеет место. Одной из ее последних жертв пад Дон Холденбек, комментатор крупнейшей телевизионной и радиоконпании «Колумбия бродкастинг систем».

Не подумайте, что речь идет о человеке, скрывавшем свою принадлежность к коммунистической партии или внезапно, средь бела дня публично осудившем политические идеалы мистера Даллеса. Ничего подобного. Дон Холденбек одобрял интервенцию США в Корее и высказывался за «европейское оборонительное сообщество». Многие из его радиоаудиторий рекомендовали даже в качестве образцовых для изучения в университетах США.

Но наступил день, когда, казалось бы, преуспевающий Дон Холденбек увидел перед собой «желтый штурок». Недолго раздумывая, он протянул руку к газопроводу и открыл кран...

В чем же состояло преступление Холденбека? Дело в том, что и ему иной раз становилось невмому. И тогда он позволял се-

Вылазка шведской газеты «Афтонбладет»

Сразу же после того, как польский пароход «Батория» закончил «рейс мира» по кортам Балтийского моря, в шведской печати промелькнуло сенсационное сообщение. У берегов Швеции якобы была обнаружена неизвестная подводная лодка. Правда, газетские титлы заявили, что посланные на розыски военные корабли ровным счетом ничего не обнаружили. Но все же газетная утка была использована реакционными кругами для антисоветской вылазки.

Газета «Афтонбладет», пользующаяся печальной славой рупора реакционных кругов, поторопилась дать понять в своей переводной статье от 12 сентября, что подводная лодка принадлежит Советскому Союзу. Фактов, подтверждающих это, не было; не было и ничего похожего на подводную лодку. Но разве в этом дело? Не смутало авторов антисоветской выдумки и то, что составляла она по набившему оскомину рецепту. Как известно, американская реакционная печать изобретает мифические подводные лодки всякий раз, когда она хочет раздуть военную истерику.

Нетрудно догадаться, зачем понадобилась газете «Афтонбладет» выдумка о советской подводной лодке у берегов Швеции именно сейчас. «Рейс мира» был совершен польским кораблем «Батория» по инициативе шведских сторонников мира. Он выдвинулся в яркую демонстрацию дружбы народов, налегающих страны, омываемые Балтийским морем, их стремления совместно бороться за мир. Шведская делегация сторонников мира на корабле «Батория» была самой многочисленной — она насчитывала 600 человек.

Все это, очевидно, не на шутку напугало реакционные круги. Посетить недоверие, отравить атмосферу дружбы между шведским и советским народами — такова цель, которую преследовали своей выской антисоветской вылазкой шведская газета «Афтонбладет» и ее покровители.

Наши люди в годы войны

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

По-беллетристически усложни отношения между Серовым и Марьей Сергеевной (на протяжении романа эти люди много раз могут найти друг друга, и каждый раз автор мешает им это сделать, ибо так ему выгодно в сюжетном смысле), автор в заключение развязывает их с чисто беллетристической успешностью. Возвращаясь на фронт, Серов случайно попадает в тот самый уральский городок, в котором учительствует Марья Сергеевна...

А незалодо то этого Луния получает задание встретить транспортный самолет, поперести его через фронт и привести в Ленинград. Выполнив задание, Луния узнает, что среди партизан, вышедших на этом самолете из вражеского тыла, случайно находится его бывшая жена Либа, которую он до сих пор продолжает любить...

В конце романа создается отчетливое впечатление, что автор спешит свести концы с концами и делает это беллетристическими средствами. Николай Чувковский еще не вполне освободился от пережитков условно-литературного письма, характерного для его ранних произведений.

К этому необходимо добавить, что общее хорошее впечатление, остающееся реалистически ясной и точной стилистикой «Балтийского неба», нарушается досадными просчетами, на которые следовало бы обратить внимание редактору романа. Одним из таких прочетов является однообразие портретных характеристик.

Так, например, про Луния сказано: «это был красивый, крепкий человек средних лет, с ясными голубыми глазами на широком лице». Про шопера, везущего Лунию в Ленинград: «это был отец, очень молодой, с озорным, мальчишеским лицом». Про комиссара дивизии Уварова: «это был человек среднего роста, лет около тридцати, с округлым лицом и маленькими умными, внимательными глазами». Про детчика Байбестова: «это был смуглый красавец, сухощавый и прямой, горбоносый, чернокопый, с черными бровями, сросшимися на переносице». Про детчика Серова: «это был человек не только постарше, высокий, худощавый, с легка сутулившимся, с добрым, грустным и умным лицом». Про полкового инженера Федорова: «это был презренный, сдержанный человек лет тридцати

пяти, со строгими глазами и нетерпимыми движениями». Про старшего лейтенанта Тараканова: «это был очень долговязый сутуловатый малый лет двадцати трех с робкой улыбкой и добрыми глазами».

Думается, что комментари здесь излишни.

Кроме однообразия портретных характеристик, редактору романа следовало бы обратить внимание на изданную характерно для Чувковского чрезвычайное злоупотребление глаголами «сиять», «сверкать», «блестеть».

Вот доказательства: «темные глаза, блестящие от оживления», «огня блестяи на солнце», «блестя глазами», «блестуло море», «блестело море», «блестят на солнце», «блестел в его глазах», «глаза торжественно блестели из-под мокрых бровей», «блестя веселыми, счастливыми глазами», «кристаллы снега блестяи на чистом гладком полу», «крохотный огонек, как уголь, блестяи далеко внизу», «седьзя блестяи у них на глазах», «торжествующе блестяи глазами», «снежинки блестяи на солнце», «снег блестяи», «блестуч яркой блестяи зубом», «озеро сияло, сверкало, блестяи» и т. д. и т. п.

Право, не стоит доучать, чтобы писательская удача обрамчалась этими досадными мелочами.

4. Есть люди, привыкшие рассматривать нашу литературу как замкнутый круг немногих примелькавшихся имен.

Для тех же, кто знает и любит советскую литературу не только в ее шумных, хотя порой и быстротечных триумфах, но прежде всего в ее повседневном, глубинном, плодотворном развитии, роман Николая Чувковского является закономерным результатом многолетнего напряженного и честного писательского труда.

Творческие резервы нашей литературы, если относиться к ним по-хозяйски, гораздо шире, чем это принято считать. Советскую литературу создают и давно известные мастера, уже не раз добивавшиеся больших успехов, и молодые литераторы, впервые выступающие в литературе, и опытные профессиональные писатели, на протяжении многих лет честной литературной работы неуклонно, хотя, может

быть, и не слишком стремительно, двигающиеся вперед.

Николай Чувковский еще до войны написал романы «Слава», «Княжий угол», «Проставль», «Детю», в той или иной степени посвященные теме борьбы русского революционного народа за всемирно-исторические завоевания Великой Октябрьской революции.

Действие романа «Слава» начинается в дни кронштадтского мятежа. Хотя исторические события и служат в нем всего лишь фоном для характеристики главного героя, но именно живые черты этих событий составляют здоровое творческое начало, послужившее распрямившемуся в произведениях Николая Чувковского.

В вышедшем в свет за «Славою» романе «Княжий угол» писатель создает картину общественной борьбы с кулацко-засероветскими бандами атамана Антонова.

Одним из наиболее зрелых предвоенных произведений Николая Чувковского, несомненно, является роман «Проставль». В нем изображаются люди революционной эпохи, ярые защитники той великой народной армии, которая сражалась против четырнадцатидесяти и отстояла от их посягательства нерву в мире республику Советов.

Напряженный работал Н. Чувковский в военные годы. Уже в 1941 году появились его брошюры о морских летчиках. В этих брошюрах можно разглядеть отдельные детали, послужившие выходящие в роман «Балтийское небо»: в 1943 году — повесть «Девять братьев», охватывающая посвященную морским летчикам (в ней изображены боевые действия аскадрилы капитана Рассохина).

В 1947 году вышла книга повестей «Талисман», прямо предшествующая «Балтийскому небу». В одной из повестей, включенных в эту книгу, действуют морские летчики Луния и Серов, с которыми нам впоследствии суждено было встретиться в романе «Балтийское небо».

На протяжении многих лет Николая Чувковского, как писателя, неизменно привлекала величественная тема общественной борьбы, противостояния врагу, посягающему на исторические завоевания революции в нашей стране. Его книги — закономерные, внутренне необходимые этапы того пути, которым Чувковский пришел к роману «Балтийское небо» — яркому произведению о героизме наших людей в годы Великой Отечественной войны.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литература — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б02592